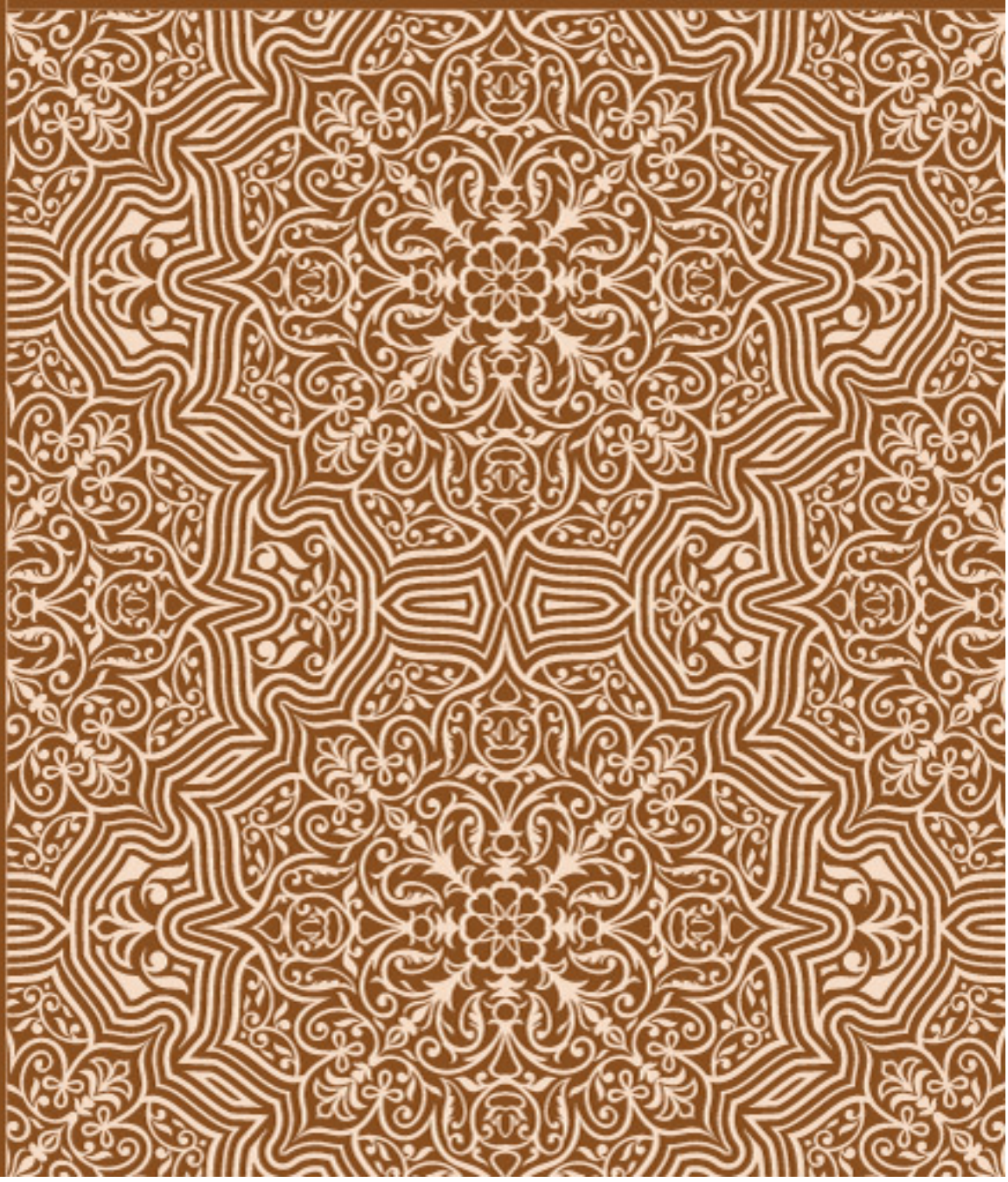
Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы

Мехди САНАИ



Мехди Санаи

Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии. Тенденции и перспективы

«Садра»
2017

УДК 327(55+574+575)
ББК Ф3(5Ирн)+Ф4(257)

Санаи М.

Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии. Тенденции и перспективы / М. Санаи — «Садра», 2017

ISBN 978-5-85803-508-4

Между Ираном и Центральной Азией издавна существовали как культурные, языковые, этнические и религиозные отношения, так и тесные экономические и политические связи. И пусть за последние два десятилетия уровень экономического и политического сотрудничества между Ираном и странами Центральной Азии снизился, чему немало поспособствовали внешние и трансрегиональные факторы, исторические судьбы этих стран были и остаются связаны взаимными интересами. Настоящая книга, ставшая результатом многолетних научных изысканий автора, была опубликована в 2011 году в Тегеране. Эта книга была призвана рассмотреть важные составляющие диалога Ирана и стран постсоветской Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), а равно сформулировать соответствующие принципы в области внешней политики для повышения эффективности региональной дипломатии. Автор книги – иранский ученый и дипломат, Чрезвычайный и полномочный посол Исламской Республики Иран в Российской Федерации – подробно рассматривает политические, культурные, экономические связи Ирана с каждой из стран региона и с учетом положения России на постсоветском пространстве. Большой дипломатический и научный опыт делают его книгу в высшей степени нужной и востребованной в долгосрочном политическом планировании.

УДК 327(55+574+575)
ББК Ф3(5Ирн)+Ф4(257)

ISBN 978-5-85803-508-4

© Санаи М., 2017
© Садра, 2017

Содержание

Предисловие 7
Глава первая 9
А) Политическое, экономическое и культурное положение республик Центральной Азии 9
1. Политическое положение Центральной Азии 17
2. Экономическое положение Центральной Азии 21
3. Культурное положение Центральной Азии 41
Б) Регион на арене международной политики и его значение для внешней политики Ирана 52
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Мехди Санаи
Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы

© М. Санаи, издание на русском языке, 2017

© М. Махшулов, перевод на русский язык, 2017
© Садра, 2017
© Петербургское Востоковедение, 2017

В оформлении обложки использована иллюстрация Megin из коллекции Shutterstock.

Предисловие

Постсоветская Центральная Азия – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – занимает обширную территорию, на которой проживает более 60 миллионов человек. Хотя этот регион не имел и не имеет прямого выхода к Мировому океану, его географическое расположение таково, что в течение многих столетий он играл ключевую роль в мировой торговле, являясь исторически важной частью Великого шелкового пути. Этот регион соединял Европу и Восточную Азию, связывал между собой азиатские Север и Юг. Важность его расположения всегда привлекала внимание международных игроков, а с течением времени внимание всё более пристальное, поскольку здесь были обнаружены значительные запасы энергоресурсов.

Между Ираном и Центральной Азией издавна существовали как культурные, языковые, этнические и религиозные связи, так и тесные экономические и политические отношения. И пусть за последние два десятилетия уровень экономического и политического сотрудничества между Ираном и странами Центральной Азии снизился, чему немало поспособствовали как региональные, так и трансрегиональные факторы, всё же исторические судьбы этих стран были и остаются связаны взаимными интересами.

В регионе присутствуют такие великие державы, как Россия, США и Китай. Здесь действуют региональные силы – Турция и Израиль. Интересы других игроков нередко ставят препоны на пути формирования крепких политических и экономических связей между Ираном и странами Центральной Азии. Поэтому Иран стремится к укреплению регионального сотрудничества, проводя прагматичную и реалистичную политику.

Та часть Центральной Азии, которую в российской традиции было принято называть Средней Азией (в советское время для обозначения региона использовали наименование «Средняя Азия и Казахстан»), последние два столетия находилась в сфере влияния России / СССР. Распад Советского Союза и возникновение пяти новых государств повлекли за собой изменения в понимании Ираном данной территории. Здесь можно выделить два важных момента:

1) историческое соседство и культурная общность Ирана с нациями и народами региона являются важным фактором для многостороннего сотрудничества; 2) в силу разных причин Иран не играет той роли в деле налаживания эффективных связей со странами региона, какую мог и должен был бы играть. Эти связи постоянно испытываются временем и теми процессами, которые происходят как внутри новообразованных государств, так и на международной арене.

В начале 90-х гг. прошлого века Иран рассматривал постсоветскую Центральную Азию преимущественно с точки зрения идеологической; теперь же эта позиция сменилась на прагматическую. Иран принял соответствующие меры для развития сотрудничества с центральноазиатскими странами в сфере экономики и культуры. Это развитие направлено на обеспечение иранского присутствия и влияния в регионе – с учетом геополитических интересов ИРИ. Нельзя сказать, что данное направление стало приоритетным: регион постсоветской Центральной Азии всё еще ждет достойного ему места во внешней политике Ирана, а отношения нашей страны со странами региона, несмотря на наличие благоприятной почвы для разработки эффективной стратегии, пока не достигли подобающего им уровня.

В связи со сказанным нужно подчеркнуть особенно, что изучение внешней политики Ирана в регионе является одним из приоритетных вопросов. Настоящее исследование призвано рассмотреть важные составляющие диалога Ирана и центральноазиатских стран. Другой важной частью исследования является формулирование соответствующих принципов в области внешней политики для повышения эффективности региональной дипломатии.

Данная работа была проделана при поддержке Института политических и международных исследований МИД Ирана; впервые она была опубликована в 2011 г. в Тегеране. Статистические данные и выкладки, использованные в работе, относятся к прошлым годам и в 2017 г. требуют обновления. Однако темы и вопросы, поднятые шесть лет назад, по-прежнему являются актуальными, равно как и предложенные ответы, которые могут стать основой для последующего обсуждения.

Считаю необходимым поблагодарить господина Шуайба Бахмана, который оказал мне при написании книги значительную помощь.

Надеюсь, что публикация моей работы на русском языке даст дополнительный импульс изучению будущего отношений Ирана и постсоветской Центральной Азии, а сама работа будет полезна всем интересующимся этой проблематикой.

Мехди Санаи
Москва, 2017

Глава первая
Центральноазиатские республики: существующие условия и современное положение

А) Политическое, экономическое и культурное положение республик Центральной Азии

Когда в 1991 г. Советский Союз распался, новые государства, образовавшиеся на его территории, сделали ставку при определении собственной идентичности на устремления коренных наций. Процесс обретения идентичности, начавшийся несколько десятилетий тому назад в рамках бихевиористской теории и получивший распространение в конце XX в., свойственен не только странам третьего мира; мы замечаем его влияние также и в Европе. Однако разница между проявлениями данного процесса на Западе и в третьем мире зависит от способности правительств привлекать и использовать малые идентичности в общей идее национальной идентичности [21: 246–247].

За последние пятнадцать лет в различных политических текстах довольно часто использовалось слово «преобразование», в том числе и применительно к постсоветской Центральной Азии. Сам по себе процесс распада Советского Союза и возникновения на его территории 15 независимых стран есть не что иное, как коренное преобразование национального, регионального и международного масштабов. Преобразования в Центральной Азии включают в себя такие факторы, как: борьба против политической власти, столкновение на почве передела собственности и доступа к ресурсам, вопрос несоответствия светского и религиозного мировоззрений, «исламский» вопрос. Нельзя также не упомянуть региональные конфликты, положение национальных меньшинств, демаркацию государственной границы, экологические катастрофы, нельзя забывать *и* о вмешательстве региональных игроков.

Центральная Азия считается важнейшим регионом, потому что здесь возможны внезапные или насильственные перемены. Это бурлящий котел из множества конфессий, народов и экстремистских политических партий, между которыми происходят регулярные столкновения [211]; см. таблицу № 1: численность населения и основные этнические группы стран Центральной Азии.

Таблица № 1

Страна	*Численность населения (миллион чел.)*		*Показатель годового роста численности населения*	*Основные этнические группы*
	2005	2015		
Казахстан	14,83	14,88	—	Казахи, русские, узбеки, украинцы, уйгуры
Кыргызстан	5,3	5,9	1,1	Киргизы, узбеки, русские
Таджикистан	6,5	7,6	1,5	Таджики, узбеки, русские
Туркменистан	4,73	5,5	1,3	Туркмены, узбеки, русские
Узбекистан	26,6	31,5	1,4	Узбеки, таджики, русские, казахи, каракалпаки

Некоторые исследователи, такие как Джереми Блэк [173], убеждены, что данная территория – один из тех регионов, которые в высшей степени подвержены военным и политическим кризисам и могут быть в будущем взрывоопасны.

Другие исследователи (Марта Олкотт из Центра Карнеги и Борис Румер) рассуждают куда более пессимистично. Они предупреждают, что на пороге серьезных изменений находится более чем одно государство Центральной Азии [177]. Джон Негропонте, бывший директор Национальной разведки Соединенных

Штатов Америки, в своем выступлении в американском Сенате в феврале 2006 г. высказался в том ключе, что, возможно, несколько стран Центральной Азии в будущем станут объектами столь внезапных преобразований, что после этого ситуация в них будет сравнима с положением несостоявшихся государств Африки. В своем выступлении он также отметил, что кризисные ситуации в Центральной Азии могут быть быстрыми темпами и с удручающими последствиями распространены на другие регионы [220]. Автор этих строк, хотя и несогласен с упомянутой позицией, всё же признает, что подобные взгляды имеют право на существование в связи с неустойчивой ситуацией в Центральной Азии и присутствием в регионе сильных внешних игроков.

Общая оценка ситуации в странах Центральной Азии указывает на наличие следующих условий:

1) политика в этих странах в основном формулируется определенными личностями, кланами и этническими группами; в меньшей степени она определяется внятно сформулированной идеологической концепцией и / или политической философией;

2) все эти страны пока еще находятся в поисках собственной идентичности как необходимого государствообразующего фундамента;

3) политические, социальные и медийные свободы на пространстве постсоветской Центральной Азии ограничены, а способ управления странами основан на авторитаризме. Большинство руководителей региона являются бывшими коммунистами, которые взяли управление новыми государствами на себя и используют демократические принципы и выборы для укрепления личной власти и обеспечения групповых интересов;

4) религия в этих странах не используется как основное условие формирования национальной идентичности, руководители не склонны к религиозному мышлению; прогрессу мешает политическая нестабильность и отсутствие необходимого опыта, поскольку процесс формирования *государства-нации* в Центрально-азиатском регионе находится в зачаточном состоянии;

5) серьезная внутренняя слабость центральноазиатских стран, вакуум связей, образовавшийся после распада Советского Союза, и стремление США к ослаблению русского влияния в регионе привели к тому, что повестка дня в этих государствах превратилась в арену противостояния России и США – с одной стороны, Турции, Ирана, Саудовской Аравии и Израиля – с другой, что вместе взятое делает страны региона уязвимыми [43: 104–105].

Процесс изменений и преобразований протекает в странах постсоветской Центральной Азии по-разному, отличаясь неравномерностью и достаточно широкой амплитудой. И хотя процессы, происходящие в регионе, неравномерны и несогласованны, однако можно выделить общие для них черты:

1) экономическое движение от советской социалистической системы к западному капитализму;

2) создание государства и правительства нового образца;

3) процесс национальной консолидации.

В этих трех пунктах – вся сущность перемен в регионе: постсоветские центральноазиатские страны столкнулись с многочисленными проблемами и тем самым / вместе с тем поставили великие державы перед новыми реалиями. Так, в Таджикистане замена советской

власти и начальный этап создания новой властной модели прошли в обстановке общественного хаоса. Между политическими элитами происходили стычки, которые привели к гражданской войне. Это был внутренний кризис, но он стал маркером для принятия решений по преобразованию всего региона.

Критерии нового мира должны использоваться не только внутренними, но и внешними силами, которые определяют стратегию изменений в регионе. К примеру, для Центральной Азии критерий «условие мира» является основным, но далеко не единственным, и, прежде чем начать его рассматривать, нужно изучить и оценить ряд политических и философских постулатов, на которых основана стратегия Западной Европы в продвижении демократии. Необходимо также рассмотреть совокупность экономических и политических стратегий, обслуживающих эти теории и призванных сформировать в новых странах капиталистическую экономику с соответствующей ей политической системой.

Запад планировал свою стратегию преобразований в условиях разрушения мировой социалистической системы и отстранения ее руководителей с международной арены. Речь шла об уничтожении экономической и политической систем социализма и недопущении их возрождения в какой бы то ни было форме. При этом следовало принять ряд мер в целях предотвращения социального коллапса и одновременно с тем обеспечить быстрое развитие капиталистических отношений, а также создание новой политической системы на основе «западной демократии». Осуществление подобной затеи не представлялось возможным без вмешательства во внутренние дела новоиспеченных правителей. Между тем подобное вмешательство противоречило основополагающим принципам Хельсинского заключительного акта (1975) и взглядам Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Политика Запада при этом была основана преимущественно на западном опыте, когда считалось доказанным, что форма государственного правления, которое основывается на демократических нормах, способствует устранению конфликтов в обществе – путем обеспечения верховенства закона, разграничения полномочий между ветвями власти и защиты прав человека [223: 7]. Подобное убеждение нашло отражение в доктрине Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), в которой соблюдение прав человека и демократия были объявлены главной целью, способствующей всеохватывающей безопасности.

В документах ОБСЕ «человеческое измерение» было признано ключевым направлением в поиске надежных решений по предотвращению конфликтов [223: 4]. «Человеческое измерение» превратилось в согласованный принцип ОБСЕ, что до определенной степени ограничило суверенитет государств-участников, и стало «ядром всей деятельности» Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе по самым разным вопросам [234a: 4].

Подход к вопросу о выполнении этого принципа практически привел к противопоставлению двух теорий. Элитные круги Центральной Азии убеждены, что «путем обеспечении стабильности можно прийти к демократии», тогда как западные члены ОБСЕ придерживаются мнения о том, что стабильность достигается путем утверждения демократии. Хотя эти два принципа требуют наличия различных политических программ, тем не менее они оба характеризуют демократию и стабильность как единый диалектический процесс, который описывается через взаимосвязи и взаимовлияние.

В то время как правящие в Центральной Азии элиты готовы пожертвовать демократией ради сохранения своей власти, западные политики допускают возможность пожертвовать стабильностью, допуская «шоковую терапию», поскольку такие методы находятся в согласии с западными стратегическими целями.

До середины 90-х годов XX века западная демократия вела различные теоретические споры о будущем пути развития. Позднее был взят курс на глобализацию, что вызвало новые дискуссии. Одним из ключевых стал вопрос о создании новых национальных государств

в условиях глобализации. Это разнонаправленные процессы – нацио- и государствообразующие, и именно они проходили одновременно на территории постсоветской Центральной Азии.

Несмотря на неопределенность влияния глобализма на международную политику, внешняя политика западного сообщества в значительной степени основывается на теории постнационализма. Данная теория исходит из того, что «роль национального государства под воздействием понятия прав человека и в силу глобализации экономики и общества стала весьма относительной»; при открытости национального простора для внешнего вмешательства внутренние прерогативы государства ограничиваются системой стратегических приоритетов [229a].

Рассуждая о «(вооруженном) вмешательстве в период независимости», известный немецкий социолог Эрнст-Отто Чемпиль пишет о демократизации как орудии обеспечения безопасности: «Свобода общества от политической системы, определение общества в качестве правителя и признание роли государственных аппаратов в качестве поставленных на службу народа побочных систем составляют ядро процесса демократизации» [227a: 20].

С точки зрения Чемпиля, демократизация общества должна быть основной темой внешней политики: «Если система правления в евро-атлантическом сообществе является демократической и развитой, то это означает, что необходимые условия и идейные основы для реализации евро-атлантических принципов созданы. Если в последующем проблемы безопасности будут всесторонне решены, то это произойдет в результате обеспечения стабильности и отказа от применения силы. Отсутствие силового вмешательства для демократизации всей государственной системы должно быть ядром внешней политики в обществе» [227a: 22]. То, до какой степени подобные высказывания были способны лечить постсоветские недуги и как подобные стратегии демократизации могли помочь в решении проблем Центральной Азии, покрыто тайной. Следует иметь в виду, что через Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) страны Центральной Азии и их общества попали в атмосферу евро-атлантической системы, требования которой для Запада являются непреложными. Именно из этой среды исходят экспертные оценки, рекомендации (тактические соображения) и способы воздействия на процессы изменений и преобразований в центральноазиатских странах.

Важное место в теоретических диспутах занимает теория «синхронности изменений». Согласно данной теории, в постсоветской Центральной Азии синхронно проходили три исторические процесса: а) формирование национального государства, б) формирование капиталистических отношений, в) формирование демократических прав и свобод [189: 65].

Немецкий социолог Клаус Оффе отмечает: «Только условия, при которых свободная экономика и демократия навязаны обществу извне, могут синхронно и удачно сочетаться и гарантироваться посредством длительной международной зависимости». Примером могут служить Германия и Япония после Второй мировой войны» [189: 66].

Внедрение свободной экономики и демократии в постсоветские общества было «политическим» проектом, который поддерживался евро-атлантической системой и был непонятен большинству людей на территории бывшего СССР. К. Оффе писал: «Учитывая то, что прежняя система стала непригодной, нужны синхронные обновления: ничто не может сохраниться в своем прежнем состоянии» [189: 71].

Рассматривая преобразования в Центральной Азии (и не только в ней), мы видим, что теория синхронных изменений во всех политических, экономических и социальных сферах вполне удовлетворяет Запад и воспринимается им как надежный инструмент воздействия. Одновременно проводятся приватизация государственной или общественной собственности и установление способов свободной и демократической экономики как предпосылки демократической власти, формируются новые государственные институты, возникают новые

элиты. В теории меры, которые соответствуют модели «открытого общества», подразумевают высшую степень индивидуализма и преданности власти. Однако остается вопрос: до какой степени эти теории соответствуют реалиям Центральной Азии?

Здесь важно иметь в виду следующие аспекты.

1. Социальный аспект. В рассматриваемом регионе преобладающей является традиционная, патриархальная форма общественного сознания. Объектом общественного сознания в большей степени выступает сельская община и «авлод» (последнее слово в местных языках означает группу кровных родственников, состоящую из большого семейства / семейств / рода); в меньшей степени – отдельный гражданин и гражданское право. Это общество разделено по групповым интересам и не подпадает под западное представление о нации, которая «является идеальным представлением о ценностях государственного регулирования». Таким образом, в Центральной Азии одновременно с формированием национального государства существует и является влиятельным традиционный общественный уклад. Оба процесса находятся под влиянием ислама, который вопреки советской интернационалистской политике не только сохранил свое значение, но оказывает существенное воздействие на формирование национального сознания и идентичности [194: 177]. Параллельное воздействие ислама и современных политических технологий вызывает социальные противоречия, которые в развивающихся исламских странах могут стать причиной появления фундаменталистских и реакционных течений.

2. Политический аспект. В рассматриваемом регионе элиты очень могущественны. Местные элиты в процессе преобразований оказались столкнулись с соперничеством интересов и оказались друг против друга. С одной стороны, экономические преобразования изменяют страны Центральной Азии, делая их общества многополярными. С другой стороны, правящие режимы оказались не в состоянии создать структурные рамки, способные ограничить последствия перемен.

Запад продвигает испытанные стратегии управления общественными процессами, но по объективным и субъективным причинам возможности центральноазиатских элит к овладению этими стратегиями ограничены. Подобное положение объясняется зависимостью элит от патриархальных структур, которые представляют своеобразную социальную «пирамиду». На вершине стоит сильная личность, которая выстраивает иерархию властных отношений, основанную на традиционной и личной преданности; эта личность защищает систему, придает ей легитимность, но в то же время препятствует возникновению самостоятельных политических и гражданских институтов.

Экономические преобразования, связанные с переделом собственности и получением доступа к природным ресурсам, вызывают глубокое социальное расслоение общества. Новые элиты вынуждены больше задумываться о внутренней стабильности и безопасности, нежели о демократии и правах человека, поэтому возможность создания самостоятельных гражданских и политических институтов всё больше сужается. Когда заходит речь о стабильности и безопасности, в большинстве случаев у разных сторон встречается разное понимание этих понятий.

3. Религиозный аспект. После обретения странами постсоветской Центральной Азии независимости и в связи с изменением их политической структуры положение ислама в регионе существенно изменилось. Ислам стал государствообразующим фактором – и как один из основных типов социальной осведомленности для большинства местного населения, и как система социальных норм. Как следствие, при анализе действительного положения дел, а также при формировании государственных структур необходимо учитывать религиозный фактор, поскольку в молодых государствах преобладающая религия превращается в «часть государства». Огосударствление ислама или, иными словами, становление ислама частью государства указывает на то, что ислам находится в тесной связи с общими

процессами институционализации новых государственных организаций. Отсюда следует, что любая внешняя сила, которая намерена контролировать производимые преобразования, должна так или иначе соотносить свои действия с религиозной доктриной, под влиянием которой находится большинство представителей политической элиты региона.

Отсюда делается более понятным стремление к дистанцированию от западной политики и от рекомендуемой Западом социальной модели. Западное понимание демократии исходит из «открытого общества» и верховенства закона. Это понимание возникло в результате собственного, накопленного за века исторического опыта, отсутствующего у азиатских обществ и исламских государств. Столь большая разница в опыте вызывает значительную часть проблем в отношениях евро-атлантического мира и стран Центрально-Азиатского региона.

Если при проведении преобразований в регионе ориентироваться на эту логику, то «модель открытого общества» не должна служить образцом. Следует предположить необходимость использования «закрытой» модели, ведь закрытое общество до сих пор опирается на родоплеменные отношения, кланы, традиционные патриархальные институты. Всё это напрямую связано с вопросом о том, какой должна быть объективная демократия и каким целям должна служить политическая система? [194: 188] Каким должно быть демократическое и правовое государство в Центральной Азии?

Ответы на эти вопросы не найдены ни западными учеными и политиками, ни представителями правящих в Центральной Азии элит. Эти элиты живут в убеждении о несоответствии восточного общества западной демократии.

Вышесказанное подтверждает чрезвычайную важность выбора стратегических критериев при проведении преобразований в политической жизни Центральной Азии. В Центрально-Азиатском регионе пока еще нет зрелых идейных и социально-политических основ, которые соответствовали бы критериям западной политической системы (демократии как основы политической системы и правового государства, а также средства контроля и обуздания власти). Вместе с тем следует отметить, что отрицание авторитарными правящими режимами демократических преобразований в корне противоречит современным потребностям и перспективам развития центральноазиатских стран. Время делает всё больше вызовов, которые чреваты тяжелой экономической и политической депрессией, поэтому важно использовать западный опыт для решения социально-экономических вопросов и предотвращения угрозы возникновения новых общественных конфликтов.

Для Центральной Азии развитие местной демократии, то есть конкретной ее формы, которая соответствовала бы местной социальной структуре и культурному восприятию жителей региона, считается ключевым вопросом изменения и развития политической системы. В связи с этим стратегия изменений должна учитывать такие факторы, как: 1) сохранение мирных условий для желаемого функционирования общества; 2) детерминированную связь между общественными преобразованиями и эскалацией конфликтов в рассматриваемых обществах; 3) влияние стратегии изменений на процесс укрепления национальных государств [187: 16].

Рекомендации и рецепты, предлагаемые Западом другим странам мира, часто вызывают в них негативную реакцию. Так, и в Латинской Америке, и в Азии, и в Африке подобные рекомендации сопровождались усилением левых движений, национальным и религиозным радикализмом. Экономический фундаментализм в качестве ответной реакции порождает фундаментализм и в других областях общественной жизни, в том числе фундаментализм исламский. Предметом критики знатоков ислама в первую очередь становится радикальный материализм, который с их точки зрения является восхвалением идола под названием «капитал» и способствует распространению нравственной разнузданности и сатанинского антикультурья. За последние годы убежденность в этом многих мусульман выросла многократно,

не в последнюю очередь из-за оскорбительных нападок на ислам в западных изданиях и фильмах. И теперь неолиберализм характеризуется в таких кругах как продолжение атеистического материализма.

В Европе и в США раздаются критические высказывания со стороны представителей интеллигенции, которые обвиняют современный капитализм в неблаговидных изменениях в области культуры и духовности – безо всякой перспективы по улучшению ситуации. В связи с этим отметим позицию американского культуролога Жака Мартина Барзена; она, хотя и спорна, однако вызывает интерес. Он считает картину Марселя Дюшана, на которой Джоконда изображена с усами, символом бескультурья: «С этого момента в западной культуре наступил период вседозволенности, и общественная культура фривольно и беспечно направилась в сторону стагнации и деградации» [171].

Большинство критических замечаний американских исследователей напрямую высказаны в адрес США. С точки зрения критиков, в XX веке США превратились в страну с однородной популистской культурой, в которой развлечения одержали победу над духовностью и даже самой жизнью. Америка, проводящая политику защиты прав потребителей, пропагандирующая эгалитаризм и умножающая новые технологии, уничтожает культурные различия без создания новой культуры. Еще один американский ученый Кристофер Клаузен предостерегает: мировая культура, движимая подобными началами, погубит культуру традиционную, а также станет причиной внекультурного смешения бизнеса, новых технологий и всеобъемлющего индивидуализма [181a]. Естественно, подобная тенденция, наблюдаемая в центре неолибералистской системы, вызывает ответную реакцию на Востоке – и особенно в исламском мире, который сохраняет традиционные устои, в которых сконцентрированы вера и нравственность, считающиеся практическими предписаниями. Между тем для создателей и деятелей глобалистской цивилизации культурные особенности и национальные традиции несущественны, второстепенны и мешают мировому прогрессу. Аналогичным образом эскалация напряженности в отношениях человека с природой также не считается принципиальным вопросом, хотя экологическая катастрофа уже началась. Практика мирового развития в течение последних десятилетий показывает, что в рамках неолиберальной геополитической модели глобализации путь для решения важнейших общечеловеческих проблем пока еще не найден; глобалистская политика скорее разрушительная, нежели созидательная, чреватая всё новыми и новыми социально-экономическими и природными проблемами.

В связи с этим возникает необходимость продумать создание иной модели развития и применения новых методов социальных преобразований. Само социальное развитие становится всё более сложным, когда нельзя однозначно говорить ни о прогрессе, ни о регрессе. Многие проблемы требуют системного подхода, в первую очередь – социально-экологические измерения, которые указывают на серьезные угрозы обществу и на основную проблематику по выходу из системного кризиса, охватившего все области жизнедеятельности человечества.

По этой причине следует уделять внимание принципам и оценкам прогресса, далеким от политизированных проектов. Они связаны с теорией устойчивого развития. В этой теории понятие прогресса не трактуется через экономическое развитие, совершенствование техники и технологий. Ядром устойчивого развития является приоритет экологии, а целью – формирование новых отношений человечества с окружающей средой и с обществом. Эти отношения должны быть регулируемыми и устойчивыми. Расточительная политика человека применительно к природе должна быть заменена эволюционным процессом развития, который возрождает традиционные ценности и возможность баланса между духовными и материальными возможностями, а также обеспечивает технологическое развитие социальных и экономических структур.

Ключевые и универсальные принципы теории таковы:

– устранение конфликтов, которые формируются в процессе социально-экономического развития, возможно только при наличии стабильности и неразрушения естественных основ жизни;

– улучшение качества жизни людей должно осуществляться в диапазоне, расширение которого не приведет к разрушению среды обитания и к глобальным изменениям экологии;

– переход к устойчивому развитию, постепенное возрождение естественной экосистемы до такого уровня, который мог бы обеспечить устойчивость среды.

Теория устойчивого развития многогранна, она охватывает все жизненные вопросы. В ней чистые технологии обеспечивают защиту ресурсов, под ее влиянием новые формы международного экономического и социального сотрудничества будут противостоять нынешним разрушительным процессам [187: 26–27].

Новая система подразумевает отказ от приоритета экономического по отношению к социальному и экологическому, предполагает внесение изменений в способы производства и потребления. С этой целью должна быть усилена регулирующая роль государства, которое ужесточит контроль над производством и потреблением и даже ограничит их ради защиты окружающей среды и предотвращения конфликтов. Существующие либерально-демократические модели, основанные на предпочтении интересов индивидуума интересам общества, будут заменены моделями, которые сбалансируют личные и общественные интересы. В случае необходимости демократические нормы и индивидуальные свободы в их нынешнем западном толковании следует пересмотреть в пользу прав и обязанностей коллективных. Еще одной перспективной стратегией будет обмен сырья, поставляемого развивающимися государствами, на доступ к новым технологиям, чтобы изменить условия, при которых страны мира разделены на две неравные группы.

Теория устойчивого развития предлагает новое понимание прогресса, при котором изъяны современного процесса экономического развития сглажены. По-прежнему применяются традиционные и основные экономические индексы, а также иные оценки показателей человеческого развития, которые входят в обширное поле компонентов человеческой жизни. Одновременно применяются экологические, экономические, социальные и культурные оценки. Учет культурных и религиозных традиций и их ответная реакция на различные модернистские явления также предусмотрены в рамках устойчивого развития. Учитываются численность населения, производственные мощности, уровень ресурсов, энергетические запасы, валовой внутренний продукт, компоненты экономической структуры, средняя продолжительность жизни. Учитываются доходы различных социальных групп, состояние здоровья населения, уровень образования и профессиональной подготовки, площадь разрушенных регионов, вопросы утилизации и накопления отходов, вопросы защиты и возрождения традиций, ситуация с религией, наличие комфортной среды обитания. Все эти моменты весьма эффективны при рассмотрении общих условий жизни в республиках Центральной Азии [187: 28].

Безотносительно к различным способам проведения реформ, качества экономических связей и степени вмешательства государства в управление демократическими элементами, все без исключения республики Центральной Азии могут оказаться лицом к лицу с общими социальными и экологическими проблемами, без решения которых невозможно обеспечить долговременную стабильность в регионе.

Наиболее ярко данный тезис иллюстрирует Ферганская долина – общая для Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана территория, развитие промышленности и сельского хозяйства которой началось во времена СССР и продолжилось в условиях постсоветской капиталистической индустриализации. И здесь трудно не учитывать национальные особенности: на территориях Ферганской долины, принадлежащих Узбекистану, Таджикистану и Кыргызстану, капиталистическое хозяйствование тесным образом связано с воздействием

на окружающую среду, а также с традиционными экономическими и культурными структурами. Здесь сформировался целый комплекс социально-экономических, экологических и психологических проблем, которые могут создать почву для конфликтов на различных уровнях и на долгое время.

1. Политическое положение Центральной Азии

Распад Советского Союза вызвал значительные политические перемены и предложил различные альтернативы будущих преобразований. Исчезновение СССР, с одной стороны, изменило географическое и геополитическое положение региона, а с другой – вызвало в Центральной Азии к жизни новые политические структуры.

Говоря о геополитическом и геостратегическом положении, следует понимать, что распад Советского Союза привел к тому, что Центрально-Азиатский регион снова стал рассматриваться как важная географическая единица. При этом была признана самостоятельным регионом не только Центральная Азия, но и каждая входящая в ее состав страна, получившая государственную независимость и возможность формировать историческую судьбу на основе собственной повестки дня.

Республика Таджикистан (площадью 143,1 тыс. кв. км) расположена на юго-востоке Центральной Азии. Данная страна на востоке граничит с Китаем, на севере и западе – с Кыргызстаном и Узбекистаном, а на юге – с Афганистаном. Такое географическое расположение дает Таджикистану важное преимущество.

Республика Туркменистан (площадью 491,2 тыс. кв. км) расположена на юго-западе региона и имеет выход к Каспийскому морю. На юге имеет общую границу с Ираном (протяженностью 966 км). С юга и юго-востока граничит с Афганистаном, с севера и северо-востока с Узбекистаном, а на северо-западе с Казахстаном. На западе Туркменистан на протяжении 1764 км омывается водами Каспийского моря.

Общая площадь Республики Кыргызстан – 198,5 тыс. км, из которых 191,3 тыс. кв. км составляет суша, а 7,2 тыс. кв. км – водная акватория. Республика расположена в центральной части Азии и на востоке Центрально-Азиатского региона. На востоке на протяжении 858 км граничит с Китаем, с севера – с Казахстаном (1015 км), с запада с Узбекистаном (1099 км) и на юге с Таджикистаном (870 км). Стратегическое значение республики связано с наличием общей границы с Китаем и расположением на Великом шелковом пути, что делает эту страну пограничной между китайским и исламским миром. Вместе с тем следует отметить, что более 80 процентов населения республики составляют мусульмане.

Площадь Республики Казахстан равна 2724 тыс. кв. км, что делает Казахстан крупнейшей страной Центральной Азии и второй по площади (после России) республикой бывшего Советского Союза. Казахстан граничит с КНР, с Кыргызстаном, с Туркменистаном, имеет протяженную границу с Узбекистаном (2300 км) и с Россией (6467 км). Общая протяженность границ составляет больше 12 тыс. км. К западу от Казахстана расположено Каспийское море, а на границе страны с Узбекистаном – Аральское море.

Республика Узбекистан (площадью 447,4 тыс. кв. км) с севера граничит с Казахстаном, с запада на протяжении 1621 км с Туркменистаном, с юга с Афганистаном (137 км), на юго-востоке с Таджикистаном (161 км), а с востока с Кыргызстаном (1099 км).

Распад Советского Союза наряду с геополитическими коллизиями создал в странах региона также и особую политическую атмосферу. В условиях, когда над странами, обретшими независимость, всё еще нависала тень советского экономического и политического курса, наследовавшего Сталину и Хрущеву, руководящий состав новых стран преимущественно состоял из числа коммунистических кадров советского периода. В результате

страны Центральной Азии сохранили примерно те же властные тенденции и были признаны странами с авторитарным правлением.

Единоличная власть ограничивала преобразования на стезе демократии и свободы, но имела важные политические последствия в странах региона, особенно в двух направлениях: 1) создание «государств-наций»; 2) вопрос передачи власти и объявление политического преемника, что является существенной проблемой центральноазиатских стран в течение последних нескольких лет.

Говоря о проблеме «политического преемника», следует отметить, что такая тема для республик Центральной Азии не является чем-то новым, однако руководители этих стран не спешат в размышлениях о передаче властных полномочий, но используют в сложившихся условиях различные способы, чтобы продлить сроки своего правления, что вполне осуществимо при отсутствии надлежащих политических систем и без четкого плана передачи власти.

Преемственность власти в Центральной Азии говорит о наличии множества проблем, так или иначе влияющих и на свободные выборы, и на права человека, и на свободу слова, несмотря на принимаемые государствами региона меры [62].

Действительно, невозможно ожидать, что в странах Центральной Азии, которые склонны к централизованной власти, будут проведены полностью свободные выборы, а для избрания новых руководителей будут учтены требования гражданского общества. Однако в ситуации отсутствия надлежащих условий для появления нового поколения политиков, когда для избрания руководителей используются недемократические методы, легитимность политических режимов подчас оказывается неустойчивой. При подобном подходе осуществление конкретно взятой демократической системы, основанной на свободных выборах и многопартийности, а также появление действительно независимых средств массовой информации вызовут в этих республиках разного рода проблемные ситуации.

Рассматривая вопрос о создании государства-нации, следует отметить, что страны Центральной Азии после обретения независимости избрали различные пути переустройства. Казахстан опробовал опыт приватизации, а Кыргызстан – опыт приватизации и политической реформы. Узбекистан и Туркменистан сохранили контроль государства над экономикой и авторитарную модель управления, в которой власть правителя едва ли не абсолютна. Таджикистан, еще не начав преобразований, был в 1992 году втянут в гражданскую войну, и лишь в 1997 году было достигнуто национальное примирение. Несмотря на некоторые различия, все пять стран Центральной Азии избрали сходный курс на централизацию власти в руках президента и воспринимают проведение ограниченных выборов как средство обеспечения легитимности власти.

Например, президент Казахстана Назарбаев пользуется среди народа широкой популярностью. В ходе президентских выборов 2005 года он заручился поддержкой примерно 90 % избирателей, однако это не помешало наблюдателям ОБСЕ заявить о несоответствии выборов международным нормам. Они, в частности, указывали на такие моменты, как ограничение рекламы для представителей оппозиции в ходе выборов.

Назарбаев неустанно твердит о том, что он является «сыном, внуком и правнуком простого народа» и всемерно заботится о социальной и экономической стабильности страны, однако при этом не считает демократическое преобразование политической власти обязательным для таких стран, как Казахстан. Не в последнюю очередь по этой причине в августе 2007 года в ходе последних парламентских выборов в Казахстане правящая партия под названием «Нурата» смогла склонить в свою сторону 88 % избирателей и в итоге получила 98 мест в парламенте. В любом случае парламентские выборы в Казахстане проходили в условиях, когда ни одна другая партия не смогла преодолеть необходимый семипроцентный барьер для вхождения в парламент.

В Казахстане, который считается самой богатой страной Центральной Азии, близкие к президенту люди пользуются большими привилегиями и могут быстро разбогатеть. Например, в области масс-медиа и в нефтяной отрасли активно присутствуют члены президентской семьи, а некоторые родственники президента входят в группу возможных его политических преемников на посту главы государства. Нурсултан Назарбаев, заявляющий о себе как о руководителе, поддерживаемом 91 % избирателей, и как о защитнике особой казахской демократии, не видит никакого повода для народного недовольства его правлением.

В Туркменистане Сапармурат Ниязов был избран президентом пожизненно. Это был авторитарный правитель, взгляды которого применялись ко всем областям общественной жизни. После его смерти пост президента страны занял Гургангулы Бердымухамедов (более 89 % голосов), однако его избрание было заранее согласовано со старейшинами и авторитетными лицами.

В других странах, несмотря на конкурентность выборов, прежние президенты получили более 95 % голосов избирателей, а оппозиционным кандидатам была отдана лишь незначительная часть голосов. Действия кандидатов от оппозиции в ходе выборов свидетельствуют об отсутствии эффективных оппозиционных партий и движений, что показывает силу и возможности региональных лидеров в подавлении оппозиционной деятельности.

Следует отметить, что президенты центральноазиатских республик наделены практически неограниченными полномочиями, что отражает былое политическое могущество руководителей СССР. Однако региональные лидеры при мобилизации народных масс вряд ли могли сыграть такую роль, как советские руководители; одновременно они не смогли добиться успехов и в проведении демократических преобразований в регионе.

Поэтому в такой стране, как Кыргызстан, оппозиционные силы, поддерживаемые извне, сумели организовать в стране «цветную революцию». Эта революция служит наглядным примером местной политической нестабильности, которая несет угрозу безопасности для всей Центральной Азии в целом. А вмешательство трансрегиональных сил (в частности США) во внутреннюю политику стран региона становится всё более явным.

Подобные события и эксцессы в регионе наблюдались уже неоднократно, что делает политическое будущее центральноазиатских республик непредсказуемым. В этом отношении самым убедительным примером служит гражданская война в Таджикистане, которая разгорелась в стране в 1992 году. И, хотя эта война была порождена внутренними политическими разногласиями (между коммунистами и союзом оппозиционеров из числа исламистов и демократов) и внутренними же этническими проблемами (между худжандской, кулябской и курган-тюбинской группами общества), тем не менее ее нужно рассматривать в более широком аспекте. Это был, по мнению ряда исследователей, не только идеологический конфликт между коммунистами и исламистами, но противостояние влиятельных региональных сил, которые боролись друг с другом за власть в условиях политического и организационного вакуума.

До 1991 года Таджикистан был одной из 15 советских республик и находился в подчинении Москвы. После распада СССР получил свободу. После безуспешного советского путча 19 августа 1991 года президент Таджикистана Махкамов был отстранен от власти, а временно исполняющий обязанности президента Аслонов 9 сентября того же года объявил Таджикистан суверенной страной. По причине объявления Коммунистической партии[1] незаконной 23 сентября 1991 года парламентом страны Аслонов был отстранен от должности.

[1] Коммунистическая партия Таджикистана была создана в начале победы советского строя в Таджикистане. На протяжении всей советской эпохи она сосредоточивала в своих руках всю власть в Таджикистане. В сентябре 1991 года она была официально признана под тем же названием и начала действовать с новой программой. Партия была сторонницей разделения религии и политики, выступала за восстановление мирных отношений с соседями, особенно с Россией (в качестве союзницы) и с Ираном (в качестве страны с близкими культурными традициями).

Бывший же коммунист Рахмон Набиев в ходе президентских выборов в 1991 году набрал две трети голосов избирателей и одержал убедительную победу над своим основным соперником – таджикским кинематографистом Давлатом Худоназаровым, которого поддерживала оппозиция.

Вслед за этими выборами в Таджикистане разгорелась война. Ситуация в республике осложнилась еще тогда, когда в ноябре 1991 года в ходе президентских выборов оппозиционные группы в лице Партии исламского возрождения[2], движения «Растохез» [3] и Демократической партии[4] объединились в коалицию и выступили в поддержку Давлата Худоназарова и против Рахмона Набиева. Несмотря на это, Рахмон Набиев все же был избран президентом, что вызвало недовольство оппозиции. Последующая политика Набиева, направленная на защиту положения консерваторов в правительстве, еще больше сплотила оппозицию и привела к крупномасштабным антиправительственным демонстрациям [64].

В апреле и мае 1992 года оппозиционные силы, которые преимущественно состояли из жителей бедных районов Душанбе и Курган-Тюбе, устроили акцию протеста на душанбинской площади «Шахидан». Они требовали проведения повторных многопартийных выборов, принятия новой конституции, отставки прокурора республики и руководителей Комитета по радио- и телевещанию, разоружения президентской гвардии, отставки коммунистического парламента и, особенно, спикера Кенджаева. В это время правительство организовало аналогичную демонстрацию в ответ и привезло автобусами своих сторонников из Куляба и Худжанда на площадь «Озоди» с целью защиты конституционного строя. После создания президентом защитных подразделений в Кулябе и раздачи на руки 1800 единиц огнестрельного оружия эскалация конфликта стала неизбежной.

После провала переговоров о формировании правительства национального примирения на юге республики разгорелась ожесточенная война. Неспособность режима контролировать ситуацию и давление оппозиции 7 сентября 1992 года привели к отставке Набиева. После этого Искандаров, избранный в апреле месяце того же года вместо Кенджаева на пост Председателя Шурой Оли (Верховного Совета), взял на себя обязанности президента страны. Путем избрания на пост премьер-министра Абдул-ладжанова, который был выходцем из Худжанда, он пытался установить перемирие между Худжандом и центральной властью. В начале ноября 1992 года главы центральноазиатских республик собрались для поиска путей нормализации ситуации в городе Алма-Ата. А 16 ноября 1992 года парламент республики (Маджлиси Оли) избрал Эмомали Рахмонова (Рахмона) своим председателем и исполняющим обязанности президента страны. Сессия парламента наряду с прекращением экономической блокады города Душанбе приняла дополнительные меры по прекращению преследования руководителей политических партий.

---

[2] «Партия исламского возрождения» начала свою тайную деятельность еще в период коммунистического правления. А 26 октября 1991 года, после объявления свободы создания политических партий, она вышла на арену легальной деятельности. Руководителем партии был Саид Абдулло Нури, а его заместителем – Ходжи Акбар Тураджонзода. После смерти Саида Абдулло Нури руководителем партии стал Мухиддин Кабири.

[3] Народное движение (партия) «Растохез» сформировалось в 1989 году с целью поддержки перестройки. Городская интеллигенция и националистически настроенные представители персоязычных народов выступали за экономическую самостоятельность, за огосударствление таджикского языка и восстановление персидской графики в качестве официальной. Также члены данного движения, руководимого Тахиром Абдулджаббаром, были убеждены, что ислам должен играть в обществе существенно большую роль, поскольку является важным фактором национальной культуры.

[4] Демократическая партия Таджикистана была учреждена в 1990 году. Большинство ее членов были из кругов интеллигенции и образованных слоев населения. Эта партия включала представителей всех этнических групп Таджикистана и пользовалась большим влиянием в вузовских кругах. Выступала за установление гражданского общества и в защиту свобод без учета национальной и конфессиональной принадлежности. На этом пути считала необходимым проведение экономических реформ, защиту частной собственности, раздачу земли земледельцам, изменение монокультурной экономики и установление связей с международным сообществом. Эта партия находилась в коалиции с оппозиционными силами, в частности с Партией исламского возрождения, ратовала за демократическую парламентскую систему и за вывод российских войск с территории Таджикистана.

Таким образом, внутренняя война в Таджикистане, которую сами таджики называют «гражданской войной», особенно усилилась в 1992–1993 годах, в течение которых наряду с борьбой за власть враждующие стороны боролись за получение ценных экономических ресурсов, таких как хлопок и алюминий, а также за сбыт наркотических веществ. Эта борьба все больше угрожала безопасности региона, что диктовало необходимость мирных переговоров, которые начались в апреле 1994 года в России под контролем Организации Объединенных Наций и при эффективном сотрудничестве Исламской Республики Иран. Хотя Тегеран и Москва приложили много усилий для достижения мира, важнейшую роль для прекращения войны в Таджикистане играли желание и воля противоборствующих сторон и прямые переговоры между Рахмоновым и Саидом Абдулло Нури. Затем переговоры между двумя таджикскими лидерами были возобновлены в Кабуле, а после и в Тегеране. Переговоры шли снова и снова, в итоге война, которая продолжалась пять лет, унесла жизни пятидесяти тысяч людей, сделала беженцами более миллиона человек, наконец завершилась [64]: между Эмомали Рахмоном, президентом страны, и Саидом Абдулло Нури, председателем Комиссии национального примирения и руководителем союза таджикской оппозиции, 25 июня 1997 года был подписан мирный договор [78].

В настоящее время центральноазиатские республики сталкиваются с множеством конфликтов и противоречий. Политические неурядицы наряду с социально-экономическими угрозами, такими как незаконный оборот наркотиков, нищета, безработица, коррупция и т. д., в дополнение к противоречивой конкуренции сверхдержав диктуют Центральной Азии особые условия. Иными словами, общими для всех стран региона являются отсутствие конкурентных выборов и эффективной многопартийной системы, вопрос разделения властей и т. п. Подобная ситуация уже порождала конфликтные ситуации, которые, сопрягаясь с кризисом преемственности, могут вызвать в будущем еще большую внутреннюю нестабильность и возможное вмешательство извне.

Следовательно, даже беглое размышление над политической и социальной ситуацией в странах Центральной Азии показывает, что они пока еще очень далеки от установления более устойчивой и более демократичной системы власти, и, учитывая современное положение дел, их движение в эту сторону наверняка будет неторопливым и небеспроблемным.

Все это влияет на безопасность региона в целом. Поэтому следует обратить особое внимание на вопросы экономического и политического развития центральноазиатских стран и на их модернизацию. С другой стороны, как уже было отмечено, не следует недоучитывать роль зарубежных сил в процессе изменений в регионе. Гражданская война в Таджикистане и «цветная революция» в Киргизии ясно показывают, что и региональные и трансрегиональные силы постоянно стремятся упрочить свое влияние в центральноазиатских странах.

Следует отметить, что установление достойных и необходимых взаимоотношений со странами, связанными с интересами региональных и трансрегиональных игроков, всегда имеет ряд особенностей. Исламская Республика Иран с момента обретения центральноазиатскими странами независимости рассматривает установление политических отношений с ними и их постоянное развитие как часть своего внешнеполитического курса, имеющую очень важное значение. Исламская Республика Иран была одной из первых, кто официально признал независимость государств Центральной Азии и путем создания своих посольств принял надлежащие меры по закреплению этого положения.

2. Экономическое положение Центральной Азии

Страны Центральной Азии после распада Советского Союза столкнулись с огромными экономическими проблемами, которые в основном были связаны с экономическими структурами советского периода. Поэтому Центрально-Азиатский регион стал рассматриваться

как центр новой «Большой игры» и в новом состоянии, когда центральноазиатские страны наряду со старыми и негодными политическими и экономическими институтами оказались перед проблемами, связанными с необходимостью установления регионального сотрудничества и налаживания внутрирегиональных связей. Хотя успехи на экономическом поприще в каждой стране региона зависят преимущественно от собственных решений, нельзя игнорировать тот факт, что ни одна из стран бывшего Советского Союза не была связана со своими соседями столь тесно, как страны Центральной Азии. Подобная связь, с одной стороны, объясняется чувством общего культурного и религиозного наследия, а с другой – географическими особенностями региона. Поэтому экономическое положение в Центральной Азии может быт рассмотрено с двух точек зрения: с точки зрения экономической ситуации в отдельно взятой стране и с точки зрения экономической ситуации в регионе в целом.

Таджикистан. При изучении отдельных стран наряду с нынешней ситуацией необходимо учитывать также и процесс перехода к создавшемуся положению. В этом плане характерна ситуация с экономикой Таджикистана, которая раньше основывалась на централизованном планировании из Москвы и зависела от союзного бюджета. После распада Союза и вследствие гражданской войны, приведшей к миграции части русскоязычных специалистов и экономической стагнации, страна понесла огромные потери. Так, гражданская война привела к резкому падению сельскохозяйственного производства, считавшегося ранее главной отраслью народного хозяйства Таджикистана. Даже после достижения перемирия, когда военные столкновения на территории республики прекратились, последствия гражданской войны всё еще продолжали сказываться на ослабленной экономике Таджикистана. Экономические проблемы страны, связанные по большей части с изъянами советской системы хозяйствования, в ходе гражданской войны еще больше усугубились и привели сельское хозяйство в упадок. Гражданская война привела также к дефициту ресурсов, экологическим проблемам, способствовала распространению инфекционных заболеваний, таких как чума; вызвала дефицит продовольственных товаров, дефицит государственного бюджета и т. д. Таким образом, несмотря на затухание пламени войны, разрушительные последствия гражданского противостояния всё еще продолжали влиять на экономику и общество.

Макроэкономические показатели Таджикистана см. в табл.:

Таблица № 1

Основные макроэкономические показатели Таджикистана (в процентах к предыдущему году)

	1995	*1996*	*1997*	*1998*	*1999*	*2000*
Валовой внутренний продукт	87,6	83,3	101,7	105,3	103,7	108,3
Промышленное производство	86	76	98	108	106	110
Сельскохозяйственное производство	84	91	100,2	106	103	113
Фиксированные капитальные вложения	—	—	—	—	—	—
Экспорт в страны СНГ	272	132	82	74	155	119
Экспорт в другие страны мира	124	88	108	83	95	110
Импорт из всех стран СНГ	205	80	126	93	115	109
Импорт из других стран мира	106	86	94	99	57	78

	2001	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*	*2006*	*2007/2008*
Валовой внутренний продукт	109,6	110,8	110,0	110,3	106,7	107,0	107,8/107,9
Промышленное производство	115	108	110	115	110	106	110/96
Сельскохозяйственное производство	107	117	109	111	102	106	107/108
Фиксированные капитальные вложения	—	—	—	150	112	170	215/161
Экспорт в страны СНГ	57	89	74	115	112	105	123/98
Экспорт в другие страны мира	107	125	120	115	97	166	102/95

	2001	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*	*2006*	*2007/2008*
Импорт из всех стран СНГ	96	102	109	129	112	127	138/112
Импорт из других стран мира	130	116	163	148	112	134	150/153

Экономика Таджикистана включает сельское хозяйство, животноводство, лесное хозяйство, добычу урана, нефти, газа, золота и серебра, а также легкую промышленность, связанную с производством хлопка, шелка, с ковроткачеством и кожевничеством. Примечательно, что Таджикистан является важнейшим поставщиком хлопка (43 % тонковолокнистого хлопка) среди других стран бывшего СССР. Шелкоткачество, овощеводство и виноградарство также считаются хорошо развитыми отраслями. Основными статьями экспорта становятся хлопок, фрукты, растительные масла, алюминий и электроэнергия, а глинозем, нефтепродукты, машины и промышленное оборудование, лекарственные средства и продукты питания составляют статьи импорта страны.

Экономика Таджикистана, среднегодовой рост которой с 2001 по 2005 год составлял 9 %, сильно зависит от экспорта алюминия и хлопка. Согласно официальной статистике, через 15 лет после обретения Таджикистаном независимости его экономика составляет только 60 % от объема 1990 года. С учетом нынешних темпов своего развития Таджикистан достигнет уровня экономики 1990 года не ранее 2015 года.

Ежегодно большое количество таджикских граждан уезжают из страны в поисках работы. Количество трудовых мигрантов в 2006 году составляло по приблизительным подсчетам от 600 тысяч до 1,5 миллиона человек. За счет трудовых мигрантов ежегодно в Таджикистан поступало 1,5 млрд долларов, что создавало основу для сравнительной стабильности республики [156][5]; отметим, что в 2006 году валютные поступления составили 35 % ВВП республики [121], это отдельная статья доходов в экономике страны.

В Таджикистане обнаружены богатые месторождения золота и серебра. Месторождения серебра в этой стране считаются уникальными, и некоторые западные страны, такие как Италия, после достижения республикой независимости начали инвестировать в эту отрасль. В республике существуют также богатые месторождения угля и черного мрамора. Ежегодно на Таджикском алюминиевом заводе производится 450 тыс. тонн алюминия. К другим полезным ископаемым и ценным ресурсам относятся железо, вольфрам, свинец, олово, медь, цинк, ртуть, сурьма, уран, соль, природный фторид и кальций, незначительные запасы нефти и природного газа, драгоценные и полудрагоценные камни и бадахшанский рубин [24: 49].

[5] По информации ЦБ РФ, в 2014 году из России в Таджикистан через системы денежных переводов (Anelik, Contact, InterExpress, Western Union, Колибри, Золотая Корона, Почта России и др.) было перечислено 3,83 млрд долларов (более 40 % ВВП), однако на деле эта цифра больше, поскольку здесь не учтены средства, вывезенные в наличной форме и выведенные через неформальные каналы, такие как «хавала». – *Примеч. ред.*

Промышленность Таджикистана еще с советских времен находилась под контролем нескольких крупных учреждений: в 1991 году 373 государственных предприятия владели 98 % промышленными активами страны; это – производство электроэнергии и алюминия, перерабатывающая и добывающая промышленность. 38 % общей продукции поставляла тяжелая промышленность, на которую тратилось 83,8 % базовых активов. Легкая промышленность была представлена текстильным производством, ковроткачеством, швейным делом, выделкой кожи, производством обуви и шелка [24: 50].

Таджикистан, который обладал наиболее отсталой среди бывших советских республик экономикой, перенес к тому же трагические события гражданской войны, что дополнительно осложнило экономическое развитие страны. В настоящее время Таджикистан (с населением более 7 миллионов человек и с ежегодным доходом на душу населения в 360 долларов) считается самой бедной страной Центральной Азии, в которой свободное экономическое пространство до сих пор не сформировалось.

В перспективе республика должна сделать ставку на возрастание экспорта, привлечение инвестиций, обеспечение эффективности производства и усиление конкуренции в экономике. В настоящее время основными инвесторами Таджикистана выступают Исламский банк развития, Международный валютный фонд, Европейский банк развития и реконструкции, Азиатский банк развития и такие страны, как Россия и Китай. Однако уровень иностранных инвестиций в Таджикистан в силу коммуникационной изолированности этой страны и в связи с не до конца изжитыми последствиями гражданской войны в разы ниже, чем в другие странах региона. И, несмотря на проведение по данному вопросу нескольких саммитов, уровень инвестиций в эту страну продолжает оставаться низким [113а].

Туркменистан. Другой страной региона, которая после распада СССР испытала значительные экономические трудности, был Туркменистан. Туркменистан после достижения суверенитета объявил следующие приоритеты: 1) преодоление экономической зависимости от Москвы и от других республик бывшего Советского Союза; 2) создание основ национальной экономики с целью самостоятельного использования ресурсов страны и в целях обеспечения ее внутренних потребностей. Руководители республики предложили следующую стратегию:

а) превращение Туркменистана в транзитный центр Центральной Азии – с учетом особенностей географического положения страны, бывшей важной частью Великого шелкового пути;

б) особенную политику приватизации: правительство Туркменистана стремилось к тому, чтобы базовые экономические отрасли, такие как нефтяная и газовая промышленность, производство электроэнергии, железнодорожное и авиационное сообщение, связь, здравоохранение и образование были государственными; остальные отрасли могли быть приватизированы;

в) создание свободных экономических зон: правительство Туркменистана с целью привлечения иностранных инвестиций приступило к созданию свободных экономических зон в таких регионах, как Мары, Байрам Али, Окарем Чилкен, Туркменабад, Бахарден, Кизил Арват, аэропорт Дашогуз, Ашхабад Аннау и Ашхабад Базмаин, предоставляя иностранным инвесторам в этих зонах необходимые льготы и свободы;

г) реструктуризация системы образования и развитие интеллектуальных способностей граждан: для достижения мировых стандартов в экономике страна поставила целью укрепление научного потенциала своих вузов, используя в этих целях возможности и других стран;

д) регулирование финансово-налоговой и кредитной политики – для содействия развитию бизнеса и обеспечения сохранности капитала;

е) активное участие в международных конференциях – с целью привлечь внимание иностранных инвесторов к выгодным инвестициям в Туркменистан;

ж) переход от монокультурной экономики к экономике многопрофильной.

Туркменистан обладает запасом газа в 2,7 триллиона кубометров и занимает по этому показателю второе после России место среди стран СНГ. Разведанные запасы нефти составляют примерно 546 млн баррелей [25: 52–55]. Важнейшими нефтяными бассейнами Туркменистана являются Кум-Даг, Лебап, Челекен, Небит-Даг, Кутурди, Кара-Кум и бассейн Капаз в зоне Каспийского моря. Экспорт энергоносителей являлся и является одной из самых важных статей получения государственных доходов.

Вторая важная составляющая туркменской экономики – сельскохозяйственное производство. В настоящее время около 48 % трудоспособного населения республики заняты в области растениеводства и животноводства. Туркменистан, который до обретения независимости входил в десятку крупнейших в мире производителей хлопка, ныне потерял былые позиции. Объем производства хлопка в стране за годы независимости сократился на 50 %. Отсутствие у Туркменистана прямого выхода к открытым морям является одной из проблем, которая затрудняет экспорт товаров и энергоносителей. Ввиду пустынности около 80 % территории страны и недостаточного объема водных ресурсов абсолютное большинство ее сел и центров растениеводства расположены в бассейне реки Амударьи или на берегах Каракумского канала. В остальных регионах занятие растениеводством или скотоводством сопряжено со множеством трудностей.

Валовой внутренний продукт страны в 2006 году перевалил за 16 миллиард долларов, что на 21 % больше, чем в 2005 году. Хлопок, зерновые, мясо, природный газ, нефть, нефтепродукты, текстильные изделия и пищевые продукты составляют важнейшие статьи экспорта страны. Основная часть дохода Туркменистана образуется за счет экспорта природного газа, электроэнергии, сельскохозяйственных продуктов и текстильных изделий.

Макроэкономические показатели Туркменистана см. в табл.:

Таблица № 2

Основные макроэкономические показатели Туркменистана (в процентах к предыдущему году)

	1995	*1996*	*1997*	*1998*	*1999*	*2000*
Валовой внутренний продукт	—	—	—	—	—	—
Промышленное производство	91	120	78	102	—	—

	1995	*1996*	*1997*	*1998*	*1999*	*2000*
Сельскохозяйственное производство	101	87	121	124	—	—
Фиксированные капитальные вложения	—	—	—	—	—	—
Экспорт в страны СНГ	56	115	42	34	—	—
Экспорт в другие страны мира	192	64	49	147	—	—
Импорт из всех стран СНГ	109	75	116	73	—	—
Импорт из других стран мира	79	73	118	99,8	—	—

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Валовой внутренний продукт	—	—	—	—	—	—	—
Промышленное производство	130	122	119	—	122	—	—
Сельскохозяйственное производство	—	—	119	—	120	—	—
Фиксированные капитальные вложения	—	—	—	—	—	—	—
Экспорт в страны СНГ	110	103	112	—	—	—	—
Экспорт в другие страны мира	98	117	144	—	—	—	—
Импорт из всех стран СНГ	127	88	162	—	—	—	—
Импорт из других стран мира	135	92	94	—	—	—	—

Кыргызстан. Кыргызстан, как и Таджикистан, является одной из беднейших постсоветских республик с точки зрения ресурсов и производственной инфраструктуры. В Кыргызстане в силу особенностей ландшафта (преобладание гористой местности) слабо развито сельское хозяйство. Хлопок, зерновые, шерсть, кожа, табак и сахарный тростник являются важнейшими сельскохозяйственными продуктами этой страны. Одновременно страна располагает большими запасами полезных ископаемых (золото, уголь, ртуть и уран). В Кыргызстане также эффективны такие отрасли, как производство автозапчастей, проводов и кабеля, строительных материалов, цемента, пищевых продуктов, обуви, электромоторов и мебели.

Кыргызстан является активным членом Всемирной торговой организации, что позволило ему стать региональным торговым центром экспортируемых товаров. В настоящее время экономическая реформа в Кыргызстане ведется быстрыми темпами в сотрудничестве с такими международными организациями, как Всемирный валютный фонд. Экономика республики, начиная с 1991 года, заметно развилась и укрепилась. Опираясь на принципы рыночной экономики, страна за короткое время организовала процесс свободной торговли – и столь успешно, что в настоящее время она пользуется самими свободными международными торговыми связями среди постсоветских республик региона.

Макроэкономические показатели Кыргызстана см. в табл.:

Таблица № 3

Основные макроэкономические показатели Кыргызстана (в процентах к предыдущему году)

	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Валовой внутренний продукт	94,6	107,1	109,9	102,1	103,7	105,4
Промышленное производство	75	104	140	105	96	106
Сельскохозяйственное производство	98	115	112	103	108	103
Фиксированные капитальные вложения	182	119	96	64	122	127
Экспорт в страны СНГ	121	146	81	72	79	113
Экспорт в другие страны мира	119	80	254	99	96	110
Импорт из всех стран СНГ	169	138	90	101	59	115
Импорт из других стран мира	157	208	78	147	85	75

	2001	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*	*2006*	*2007/ 2008*
Валовой внутренний продукт	105,3	100,0	107,0	107,0	99,8	103,1	108,5/ 107,6
Промышленное производство	105	89	117	105	88	90	107
Сельскохозяйственное производство	107	103	103	104	96	103	102
Фиксированные капитальные вложения	86	90	93	102	106	155	105
Экспорт в страны СНГ	81	100,1	119	137	110	125	150/ 104
Экспорт в другие страны мира	104	103	120	117	83	113	137
Импорт из всех стран СНГ	86	126	127	142	117	146	154/ 142
Импорт из других стран мира	82	126	116	117	117	172	123/ 149

Казахстан. Казахстан был одной из самих экономически развитых республик бывшего Советского союза, что во многом объясняется ее географическим положением. Казахстан богат природными ресурсами, поэтому здесь успешно развивались такие отрасли, как химическая промышленность, производство железа, стали, цемента и потребительских товаров. Казахстан богат железом, медью, серебром, золотом, марганцем, свинцом, оловом, фосфатами, углем и ураном. По запасам золота в недрах Казахстан занимает седьмое место в мире. В стране действуют 146 золотых приисков и еще 121 рудников по добыче минералов, в составе которых содержится золото.

В силу огромных запасов нефти и газа республика занимает важное место на мировом рынке энергоносителей, и в течение будущего десятилетия может войти в число крупнейших мировых производителей и экспортеров нефти и газа. В настоящее время страна располагает крупнейшими нефтяными и газовыми ресурсами в бассейне Каспийского моря: из 1,8 млн баррелей нефти, ежедневно добываемой в этом бассейне, две трети принадлежат именно Казахстану. В целом нефтяные ресурсы страны, как на шельфе, так и на суше оцениваются от 9 до 29 миллиардов долларов. Крупнейшими в стране считаются месторождения Узень (48 %), Каламкас (31 %) и Алатюбе (35 %). Запасы природного газа Казахстана сконцентрированы в 83 месторождениях, в 17 из которых найден чистый газ, а в остальных – газовые смеси. 72 % газовых запасов сосредоточены в месторождении Карачаганак, газ здесь добывают совместные предприятия. В регионе Мангышлак также находится огромное месторождение с запасом газа в 300 млрд кубометров.

Казахстан – успешный производитель и экспортер сельскохозяйственной продукции. Раньше животноводство считалось основным занятием коренного населения республики, а производство мяса, молока и молочных продуктов являлось приоритетным. Важную роль в экономике играло производство зерновых. Так, примерно половина общей площади сельскохозяйственных угодий выделена для выращивания пшеницы. Этот вопрос с советских времен находится под контролем государства. Ячмень, просо, рис, хлопок, сахарный тростник и табак также считаются важными сельскохозяйственными продуктами.

С позиции экспортируемых ресурсов Казахстан занимает среди постсоветских республик пятое место (после России, Украины, Беларуси и Узбекистана), а с позиции объема валового продукта и национального дохода республика находится на третьем месте. Перечень экспортируемых Казахстаном продуктов составляет 290 наименований. Они экспортируются в более чем 80 стран мира. Традиционно львиную долю экспорта Казахстана составляют продукты добывающей промышленности, а также сырье для химической промышленности и металлургии. Казахстан обеспечивает 90 % процентов экспорта желтого

фосфора, более 72 % меди и практический весь объем хромовой руды, олова и цинка среди стран СНГ. Часть экспорта Казахстана составляют сельскохозяйственные продукты. Анализ структуры импорта показывает сравнительное преобладание машин и станков, а также сырья для производства пищевых продуктов, специй и потребительских товаров.

Макроэкономические показатели Казахстана см. в табл.:

Таблица № 4

Основные макроэкономические показатели Казахстана (в процентах к предыдущему году)

	1995	*1996*	*1997*	*1998*	*1999*	*2000*
Валовой внутренний продукт	91,8	100,5	101,7	98,1	102,7	109,8
Промышленное производство	92	100,3	104	98	103	116
Сельскохозяйственное производство	86	95	99,2	81	128	96
Фиксированные капитальные вложения	57	60	112	142	133	149
Экспорт в страны СНГ	154	110	94	71	72	155
Экспорт в другие страны мира	174	115	129	92	135	148
Импорт из стран СНГ	122	111	79	88	78	170
Импорт из других стран мира	83	112	153	115	91	113

	2001	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*	*2006*	*2007/ 2008*
Валовой внутренний продукт	113,5	109,8	109,3	109,6	109,7	110,7	108,91/ 102,4
Промышленное производство	114	110	109	110	105	107	105
Сельскохозяйственное производство	117	103	101	99,5	107	106	109
Фиксированные капитальные вложения	145	111	117	123	134	111	114
Экспорт в страны СНГ	113	83	136	137	99,3	137	143/ 139

	2001	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*	*2006*	*2007/ 2008*
Экспорт в другие страны мира	93	125	133	161	149	137	122
Импорт из всех стран СНГ	121	92	129	156	133	136	132/ 120
Импорт из других стран мира	136	113	126	149	138	137	144/ 112

Казахи в годы после обретения независимости обратились к международным организациям и инстанциям за помощью в экономических преобразованиях. Эти организации, преследуя собственные политические цели, рекомендовали стране путь свободной экономики, которому в настоящее время Казахстан и следует. Привлечение иностранных инвестиций на настоящем этапе является неотъемлемой частью экономической политики страны. В целом экономика Казахстана находится на этапе перехода к свободной экономике. Комплексный долгосрочный план «Казахстан 2030» (состоящий из трех десятилеток) очерчивает основные тенденции экономических реформ в этой стране. Увеличение производства углеводородов и их производных считается приоритетной целью данного плана; с учетом концентрации месторождений углеводородов на западе страны данный регион будет развиваться более высокими темпами.

Казахстан обладает огромными, но пока еще недостаточными возможностями в области освоения ресурсов, поэтому привлечение иностранных инвестиций служит важным фактором для устранения существующих диспропорций и преодоления научного и технологического отставания.

Узбекистан. Узбекистан, как и другие республики СССР, не только унаследовал общие для всех постсоветских стран проблемы (падение производства, снижение качества производимой продукции, рост инфляции), но также оказался лицом к лицу с проблемами особенными, такими как монокультурный характер экономики, низкий уровень жизни и острая зависимость от импорта нефтепродуктов. Экономика Узбекистана в период обретения независимости была в значительной степени сырьевой. Сельскохозяйственное производство составляло незначительную часть экономики, и эта незначительная часть организовалась в неблагоприятных и несбалансированных условиях. В период до обретения независимости Узбекистан превратился в большой рынок реализации обработанной в других советских республиках продукции и в большинстве случаев был вынужден за бесценок предоставлять в их распоряжение свое сырье, которое после необходимой обработки покупал весьма дорого. Поэтому узбеки после обретения независимости вместе с закупкой не самой передовой техники и технологии из стран СНГ также были вынуждены выделять огромные суммы для импорта продуктов питания, таких как пшеница, мясо, сахар, соль и других товаров первой необходимости. Все это происходило в условиях, когда Узбекистан сам обладал необходимым потенциалом для производства подобных товаров, но использование этого потенциала было чревато отрицательным сальдо торгового баланса.

Ислам Каримов и его правительство сделали ставку на особую экономическую политику, основной принцип которой состоит в создании стабильности, принятии пропорциональных правил, обеспечении их долгосрочного действия, а также обеспечении безопасных условий для внутренних и зарубежных инвестиций, а также создании комитетов для осуществления контроля за выполнением государственных программ. Среди наиболее важных приоритетов правительства Узбекистана в переходный период на новые экономические рельсы нужно назвать следующие принципы:

1. Экономика имеет приоритет над политикой, а политика отделана от внутренних и внешних экономических отношений.

2. Правительство является ответственным за экономические реформы и демократические изменения в период перехода к рыночной экономике.

3. Законы пользуются большим приоритетом; их выполнение, а также соблюдение прав граждан является обязательным.

4. Социальная политика должна быть направлена на защиту интересов граждан, особенно малоимущих слоев населения.

5. Переход к рыночной экономике должен осуществляться постепенно, и при этом следует избегать «шоковой терапии» [26: 73–74].

Применение вышеупомянутых принципов привело к тому, что Узбекистан последовал маршрутом, отличающимся от пути других стран СНГ, и оказался в сравнительно лучшем положении. Уже с 1996 года Узбекистан достиг положительных показателей экономического развития, двигаясь в сторону рыночной экономики, приватизации и предприняв весьма действенные меры для контроля над инфляцией и девальвацией, а также другими аспектами финансовой политики. Правительство Узбекистана уделяло особое внимание вопросу привлечения иностранных технологий и инвестиций для развития промышленности страны, чтобы обеспечить конкурентоспособность экспортируемой продукции, и приняло особые меры для поощрения, поддержки и обеспечения безопасности этих инвестиций. В области ускорения процесса экономического развития правительство Узбекистана в 1996 году

повторно рассмотрело вопрос об определении новых экономических приоритетов. Важнейшими компонентами этой программы стали:

– стремление к достижению роста валового внутреннего продукта на 7,2 % (9 % в области промышленности, 5,2 % – сельского хозяйства, 13,2 % – оказания услуг и 8,5 % – торговли);

– продолжение реформ в области налоговой реформы, облегчение процедур взимания налогов и создание единой налоговой системы;

– уменьшение налогов (налоги на прибыль фирм / юридических лиц уменьшены с 15 до 12 %, на доходы физических лиц – с 15 до 10 %);

– продолжение курса на защиту малых и средних предприятий, особенно на защиту предприятий, обрабатывающих сырье и первичные материалы;

– ускорение подготовительных работ по принятию законов, связанных с микрокредитами;

– учреждение Микрокредитного банка в первом квартале 2006 года с целью улучшения работы по выделению микрокредитов для роста производства и бизнеса;

– реформа банковской системы с целью облегчения процедур по выдаче кредитов и завоевания доверия народа;

– улучшение системы регистрации фирм, выдачи им удостоверений и лицензий на ведение бизнеса;

– привлечение инвестиций с целью увеличения производства в области добычи нефти и газа, производства электроэнергии и цветных металлов, текстильного машиностроения, а также в области производства хлопка;

– стремление к тому, чтобы до 2010 года обеспечить рост промышленности до 24–26 %, объема оказываемых услуг до 45–47 % от валового внутреннего продукта;

– увеличение гарантий для безопасности бизнеса, создание благоприятных условий для предпринимателей;

– коренной пересмотр способов приватизации в целях обеспечения приоритетов в деле приватизации крупных промышленных предприятий, нуждающихся для своего развития, обновления и оборудовании в серьезных инвестициях;

– улучшение судебной системы и реформа судопроизводства с целью защиты производителей, предоставление им большей свободы действий;

– продолжение обновления структуры сельского хозяйства;

– предоставление больше свободы иностранным фирмам и валютному рынку, создание благоприятной экономической среды для бизнеса, увеличение доли частного сектора в экспорте, изучение текущей ситуации в банковских и таможенных операциях, устранение барьеров на пути бизнеса;

– проектирование и строительство логистического центра с целью определения оптимальных маршрутов для экспорта;

– минимизация расходования энергии до уровня мировых стандартов.

Отметим, что земля Узбекистана богата полезными ископаемыми. Узбекистане богат запасами (более 750 видов полезных ископаемых), и их примерная стоимость равна 3 триллионам долларов. Республика обеспечена газом, нефтью и углем. Страна занимает третье место по производству газа среди постсоветских республик (после России и Туркменистана) и входит в десятку крупнейших производителей газа в мире. Запасы золота в рудниках Туркменистана весьма обширны и привлекли многих зарубежных инвесторов, занятых добычей этого ценного метала. Конечно, Узбекистан богат и другими полезными ископаемыми, такими как природный газ, сырая нефть, уголь, уран, серебро, медь, вольфрам, олово, свинец и молибден. Эти ресурсы весьма способствуют возрастанию экономической мощи страны.

В Узбекистане насчитывается около 2000 заводов и фабрик, действующих в более чем сотне отраслей промышленности. Из этого числа 45 % предприятий задействованы в области тяжелой промышленности, 35 % – в области легкой, а остальные в области пищевой промышленности. Все отрасли производства – легкая промышленность, пищевая, химическая, машиностроительная (в частности, промышленные предприятия по производству строительных машин, самолетов, тракторов, хлопкоочистительных машин) и текстильная промышленность работают комплексно, слаженно и во взаимодействии друг с другом. Кроме того, Узбекистан играет стратегическую роль в торговле электроэнергией, производя половину всего объема электроэнергии Центральной Азии. Львиная доля данной энергии производится коммерческими электростанциями, такими как Сырдарьинская, Ташкентская, Навоинская, Ангренская и Новоангренская. Гидроэлектростанции в Чарваке и Хаджикенте, а также еще 19 подобных предприятий страны построены на реке Чирчик.

То, что через Узбекистан проходил определенный отрезок Великого шелкового пути, а также наличие таких исторических городов, как Самарканд и Бухара, весьма способствовало тому, чтобы республика заняла в Центральной Азии особое место. Также Узбекистан является одним из крупнейших в мире производителей хлопка, который считается древнейшей сельскохозяйственной культурой страны: на долю республики приходится две трети всего объема производимой в Центральной Азии хлопка. Узбекистан по объему производимого хлопка занимает в мире четвертое место, а по объему его экспорта – третье место. Кроме хлопка, к важнейшим производимым в республике сельскохозяйственным продуктам относятся пшеница, яровые, бахчевые и растительные масла. Поэтому важнейшие статьи экспорта Узбекистана состоят из хлопкового волокна, энергоносителей (газ, уголь и электроэнергия), железа, цветных металлов, машин и оборудования, пищевых продуктов, химических продуктов, нефтепродуктов и шелковых изделий. В свою очередь важнейшие статьи импорта республики составляют станки и технологии, химические продукты, пластик, услуги, пищевые продукты и различные сорта металлов.

Узбекистан располагает лучшими среди республик Центральной Азии экономическими возможностями в области промышленности и сельского хозяйства. Процесс приватизации в этой стране идет во всех отраслях народного хозяйства, а госзаказы и дотации постепенно отменяются.

Принятие такой экономической политики, которая привела к активизации экономической деятельности, способствовало поступлению в республику иностранных инвестиций. Поэтому в настоящее время Узбекистан находится в состоянии экономического перехода – к экономике, основанной на рыночных отношениях, однако с учетом опыта соседних республик и других развивающихся стран продвигает процесс экономических реформ весьма осторожно. В этом направлении действенной мерой стал контроль за ликвидностью и обменом валюты, особенно в течение последних нескольких лет. Уровень валового внутреннего продукта Узбекистана в 2006 году возрос на 6,8 %, и достиг 45, 81 млрд долларов, что говорит о положительных результатах программы экономического развития страны, которая в течение нескольких последних лет привела к тому, что уровень инфляции в республике постепенно снизился с 13 % в 2000 году до 7,5 % в 2006 году [134].

Макроэкономические показатели Узбекистана см. в табл.:

Таблица № 5

Основные макроэкономические показатели Узбекистана (в процентах к предыдущему году)

	1995	*1996*	*1997*	*1998*	*1999*	*2000*
Валовой внутренний продукт	99,1	101,7	105,2	104,3	104,3	103,8
Промышленное производство	100,1	103	104	104	106	106
Сельскохозяйственное производство	102	94	106	104	106	103
Фиксированные капитальные вложения	104	107	117	115	102	101
Экспорт в страны СНГ	70	80	150	59	—	—
Экспорт в другие страны мира	177	194	81	90	—	—
Экспорт из всех стран СНГ	80	136	75	76	—	—
Экспорт из других стран мира	136	196	95	74	—	—

	2001	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*	*2006*	*2007/2008*
Валовой внутренний продукт	104,2	104,2	104,4	10,3	107,7	107,0	109,5/109
Промышленное производство	108	109	106	109	107	111	112/—

	2001	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*	*2006*	*2007/2008*
Сельскохозяйственное производство	105	106	106	110	106	107	106/105
Фиксированные капитальные вложения	104	104	105	105	107	109	123/128
Экспорт в страны СНГ	—	—	—	—	—	—	—
Экспорт в другие страны мира	—	—	—	—	—	—	—
Экспорт из всех стран СНГ	—	—	—	—	—	—	—
Экспорт из других стран мира	—	—	—	—	—	—	—

Что касается второго аспекта экономического положения в Центральной Азии, а именно регионального сотрудничества, следует заметить, что отсутствие процесса формирования демократических институтов, неопределенная роль законов в управлении республик, низкий уровень взаимодействия между республиками и отсутствие институтов регионального сотрудничества привели к нежелательному состоянию экономических отношений между странами Центральной Азии. Как показывает история этих стран, после обретения независимости отсутствие политической стабильности вместе со слабой структурой управления свели всестороннее сотрудничество в регионе до самого низкого уровня.

На первый взгляд может показаться, что Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан унаследовали от советского строя только ресурсозависмую экономику и сопутствующие ей экологические проблемы, что сделало их уязвимыми, однако этот регион обладает блестящими перспективами, как наследник великих экономических традиций Великого шелкового пути. И это вызвало очередной случай применения политики двойных стандартов со стороны мировых сверхдержав. Международные усилия, направленные на развитие Африки и избавление стран этого континента от колониальной зависимости признавались весьма похвальными, тогда как экономика и вопросы безопасности Центральной Азии игнорировались и были преданы забвению. Вопросы гуманитарного развития и спосо-

бов правления в этих странах никогда не привлекали столь значительного внимания мирового сообщества, как это было сделано в Африке. Великие державы больше стремились к извлечению пользы от природных и энергетических ресурсов региона, нежели к обеспечению гуманитарного развития и социального прогресса.

После распада СССР одновременно с оперативным открытием иностранных посольств в новоявленных независимых республиках начали активно действовать нефтяные компании. Заключение крупных соглашений по добыче нефти и газа, огромные инвестиции в эту отрасль, серьезная конкуренция в связи с установлением маршрутов транспортировки энергоносителей из региона, – всё это говорило о начале новой великой и сложной игры вокруг энергоресурсов Центральной Азии и Каспийского бассейна с участием как региональных, так и мировых игроков. Состязание вокруг добычи и путей доставки энергетических ресурсов вызвало пристальный интерес аналитиков к реальным причинам огромных экономических инвестиций в этот регион. Причины эти не столько связаны с удовлетворением потребностей в энергии, сколько лежат в области глобальной геополитики. Речь идет о контроле над крупнейшими запасами природных ресурсов и над важнейшими регионами мира.

Соревнование между великими державами за доступ к нефтяным и газовым ресурсам Каспийского бассейна и Центральной Азии – не только местная политика, но и глобальная стратегия. В конце XIX – начале XX века геополитика стала основным направлением в анализе международных отношений. В период «холодной войны» геополитическое противостояние было скрыто за противостоянием идеологическим, за противоборством между марксизмом и западным либеральным капитализмом. Однако в начале XXI века усилия держав, желающих контролировать энергетические ресурсы планеты, более чем ясно свидетельствуют об актуальности геополитического анализа [86: 157–158].

Размышляя о значении энергоносителей региона, следует обратить внимание на следующие моменты:

1. Очевидно, что нефть и газ и в длительной перспективе останутся основными источниками энергии во всем мире. В наше время доля нефти в мировом энергетическом балансе составляет 40 %. Учитывая связь Центральной Азии и Каспийского бассейна с Южно-Азиатским регионом, то есть с Персидским заливом, можно утверждать, что данный регион, несомненно, является важнейшим источником энергоносителей в мире [257a: 61–67].

2. Нефтегазовые ресурсы – средство для входа обретших независимость стран в мировую экономику. Для Азербайджана, Туркменистана, Казахстана и даже Узбекистана нефть и газ являются мощным фактором расширения и развития собственной экономики. Эти страны используют свои энергоресурсы для достижения полной независимости, развития сотрудничества с Западом и для балансировки отношений с Россией.

3. Центральная и южная части Евразии сегодня считаются важнейшими коммуникационными линиями мира, транзитными экономическими линиями планеты. Особая значимость данного региона объясняется тем, что он различными сухопутными и водными путями соединяет северное полушарие с южным и – Восток с Западом; расположен между Европой и Азией, между Западом и исламским миром; находится между свободными водами с двух сторон; наконец, соседствует с политически и экономически могущественными державами.

4. По истечении двух десятков лет после обретения республиками Центральной Азии независимости основной спор велся вокруг вопроса о способах транспортировки нефти и газа (посредством трубопроводов), нежели об их добыче. При этом сверхдержавы предлагают планы по строительству трубопроводов не на основе географических реалий, но сообразно своим экономическим и политическим интересам и исходя из соображений собственной безопасности. Хотя существуют традиционные российские линии для транспортировки энергоносителей и различные маршруты через Иран, Афганистан, Пакистан, Турцию, всё

же вопрос транспортировки находится под сильным воздействием американской политики в регионе, которая влияет на решения региональных руководителей.

5. Военные действия США против Ирака вслед за войной с Афганистаном и усиление их контроля над нефтяными ресурсами Персидского залива поставили вопрос о совместной политике безопасности в двух регионах – Центральной Азии и Ближнем Востоке. Данная ситуация также способствовала тому, чтобы вопрос об энергетических ресурсах центра и юга Евразии был рассмотрен в виде единого и неразделимого комплекса проблем: более важным, чем получение доступа к части из этих ресурсов по причине отсутствия ее зависимости от других частей, является доступ к совокупности всех упомянутых энергоносителей. При этом важно иметь в виду стратегическое положение всей южной и центральной Евразии. Таким образом, действия присутствующих в Центрально-Азиатском регионе, Каспийском бассейне и на Кавказе игроков свидетельствуют о том, что энергетические ресурсы и в будущем будут служить основой для конкуренции и сотрудничества великих держав, а геополитический анализ по-прежнему будет оставаться основным методом анализа международных и региональных событий. Вопрос о контроле над энергоресурсами стоял в основе доктрин Трумэна, Эйзенхауэра и Картера – президентов США времен «холодной войны». Доктрина Вулфовица, которая была сформулирована в Министерстве обороны США в 1992 году (и к которой президент Клинтон отнесся пренебрежительно), теперь определяет основы внешней политики США. В этой доктрине особое внимание уделяется превентивной политике в плане господства над стратегическими регионами, богатыми энергоресурсами (см.: [257a]).

В целом положение с энергоносителями в регионе таково, что страны Евросоюза также торопятся заключать различные соглашения о сотрудничестве. Через усиление НАТО они демонстрируют свое вйдение вопроса о значимости нефти и газа в этом регионе. НАТО стало вмешиваться в вопросы об энергоносителях и защите окружающей среды наряду с энергетическими компаниями. При этом предполагается, что Европа в будущем станет крупнейшим потребителем нефти и газа из Центрально-Азиатского региона.

Китай в будущем также будет испытывать острую зависимость от энергетических ресурсов региона для обеспечения собственного экономического развития. Между тем Россия, испытавшая в 90-ые годы XX века серьезные экономические трудности, связанные с распадом СССР и дистанцированием от нее стран ближнего зарубежья, в период президентства Путина поставила целью восстановить прежние связи и прежде всего – по вопросу о добыче и транспортировке энергоносителей [86: 160 – 1671], заключив долгосрочные контракты с Туркменистаном, Узбекистаном, Казахстаном и Азербайджаном.

Однако не только Россия, США и Евросоюз заинтересованы в энергоресурсах Центральной Азии и Каспийского бассейна, в эту игру вовлечены и такие страны, как Иран, Турция, Индия и

Пакистан. Совпадение или расхождение их целей с интересами великих держав будет иметь влияние на их экономику в долгосрочной перспективе.

В последние годы, после вторжения США в Афганистан и Ирак, конкуренция вокруг энергетических ресурсов Центральной Азии и Каспийского бассейна обострилась, приобретя перспективу геополитического конфликта, который проявляется то в форме противостояния, то в форме сотрудничества. При этом баланс сил между региональными силами и крупными игроками претерпел изменения.

Россия и Китай оказались в условиях, противоречащих их интересам, однако поддержали США, включившись в борьбу с терроризмом. Несмотря на то, что США выступили ярыми сторонниками строительства нефтепроводов, исключая возможность строительства российских газопроводов, Россия, вместо того чтобы противостоять этому, приступила к широкому и реальному экономическому сотрудничеству с республиками Центральной Азии

и Каспийского бассейна и начала сложную игру с Америкой в компромиссы и уступки [257a: 51–60].

Несмотря на завершение идеологического противостояния, закончившегося с распадом СССР, вопреки налаживанию широкого сотрудничества между Россией и США и определению общих целей, таких как борьба с терроризмом, в будущем можно ожидать обострения геополитической конкуренции в регионе:

– во-первых, американская стратегия, основанная на господстве над энергоресурсами и контроле над транспортировкой этих ресурсов, диктует военное и политическое присутствие США в Каспийском регионе и в прилегающих к нему странах;

– во-вторых, события последних лет показывают, что энергоресурсы Южной и Центральной Евразии будут определяющими в предстоящих процессах конкуренции и сотрудничества;

– в-третьих, свидетельством подобной американской стратегии является наличие таких факторов, как усиление поддержки Турции, вторжение в Ирак, усиление пропаганды против Ирана и иранской ядерной программы, объявление Центральной Азии зоной жизненных интересов Америки и закрепление этого тезиса в стратегии национальной безопасности (в сентябре 2002 года).

Вполне очевидно, что меры, принятые США на южных рубежах Евразии, влияют на баланс интересов в Центральной Азии, на Кавказе и прилегающих к ним странах. Некоторые авторы утверждают, что противостояние времен «холодной войны» всё еще продолжается – с той только разницей, что раньше это было противостояние двух сверхдержав, а теперь к процессу присоединились новые региональные игроки. При этом имеет место дисбаланс, связанный с неравенством экономических потенциалов России и других стран региона с одной стороны и США – с другой. Огромные возможности этой экономически развитой державы, позволяющие выделять немалые деньги на налаживание сотрудничества и предоставление льгот, стали движущим стимулом для ориентации новых властей Кавказа и Центральной Азии на США [86: 162].

Игра вокруг добычи и транспортировки энергоносителей в Центральной Азии и на Кавказе до того серьезна, что некоторые авторы рассматривают вопрос о присутствии и действиях великих держав и региональных государств, а также вопросы двустороннего и многостороннего сотрудничества именно в рамках конкуренции и сотрудничества в связи с энергоресурсами. Геополитический анализ действий великих держав вокруг энергоресурсов данного региона позволяет более объективно взглянуть на некоторые политические курсы, принятые решения и реализованные меры последних лет [86: 166–167].

В любом случае, история и география Центральной Азии поставили социально-экономическую ситуацию региона перед многочисленными проблемами и стали причиной возникновения глубоких внутренних и региональных разногласий. Однако неблагоприятное экономическое положение, по-видимому, вынудит центральноазиатские страны осознать приоритет интересов региона и в конечном итоге приведет к укреплению внутрирегионального сотрудничества. Пока что разногласия, коррупция и неэффективная инфраструктура транспорта и бизнеса относятся к тем отрицательным факторам, из-за которых региональное сотрудничество находится на нежелательном уровне и ориентировано в неверном направлении. Такое сотрудничество должно включать в себя такие компоненты, как торговля, развитие транспортной инфраструктуры, связанной с энергоносителями, и контроль над нею. Страны региона должны пойти по пути сокращения таможенных пошлин, рационального управления транзитом, улучшения маршрутов транспортировки и увеличения человеческих ресурсов в области транзитных услуг. Они должны начать поступательное движение вперед и тем самым подготовить почву для увеличения своего присутствия на арене международной экономики.

Одним из шагов в этом направлении стало образование Центрально-азиатского экономического сообщества, которое было создано в 1994 году, когда Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан подписали договор о создании единого экономического пространства; позднее к ним присоединился Таджикистан. Правда, в силу разного рода причин эта организация оказалась не в состоянии выполнить возложенные на нее задачи, не в последнюю очередь по причине слабых связей между бывшими советскими республиками. В 2002 году, с изменением ситуации в регионе, государства-участники создали Организацию Центрально-Азиатского сотрудничества, целью которой стало формирование интегрирующего экономического пространства и координация внешней политики. Данная организация, долгосрочная цель которой состояла в создании «общего рынка», также оказалась недостаточно эффективна и в 2005 году объединилась с Евразийской организацией экономического сотрудничества. К сожалению, соглашения по «свободному торговому региону» и по «таможенному союзу» так и не заработали, оставшись только на бумаге [65: 7].

Что мешает налаживанию экономического сотрудничества в регионе? Это несоответствие между политическими целями и экономическими потребностями; отсутствие открытого пространства для свободного товарооборота, движения капитала и рабочей силы; неоднородность экономических и финансовых возможностей, разница уровней промышленного развития центрально-азиатских стран; наличие пограничных конфликтов и региональной конкуренции. Кроме того, большинство стран региона отличается монокультурной экономикой, что служит едва ли не основной причиной государственного надзора над нею, а также объясняет отсутствие в регионе свободной торговли. Так, система посева и промышленной переработки хлопка-сырца в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане привела к политическим репрессиям, коррупции, распространению нищеты и деградации окружающей среды. Поэтому о реформе в системе посева хлопчатника можно говорить как о способе улучшения экономических структур, устранения нищеты и закрепления политических свобод. Эта тема нашла отражение в докладе Международной кризисной группы от 28 февраля 2005 года, где было отмечено, что современное состояние хлопкового вопроса толкает безработную, отчаявшуюся молодежь в руки экстремистов, поэтому центральноазиатские и западные государства, а также международные финансовые организации должны принять по данному вопросу своевременные меры [125]. С одной стороны, это говорит о зависимости экономики стран региона от хлопка, с другой – показывает, что игнорирование вопроса может регион полностью дестабилизировать.

Монокультурная экономика и прямое вмешательство государств в экономические дела тесно связаны с политическими репрессиями. В монокультурной экономике, ориентированной главным образом на хлопок, поле для конкуренции сужается, государство берет на себя решение многих экономических проблем, между тем отношения собственности на землю не установлены или в принципе отсутствуют. Земледельцы не являются собственниками, лишены возможности выбора посевов и свободной продажи производимой ими продукции. Миллионы нищих жителей сел за мизерное вознаграждение выращивают хлопчатник, а плоды их труда достаются государству или малой группе влиятельных лиц.

Помимо прочего, подобное монокультурное сельскохозяйственное производство ведет к уничтожению экосистемы. Централизованная ирригация с целью повышения производительности хлопковых полей уже стала причиной высыхания Аральского моря. Земли, граничащие с Аральским морем, стали очагом страшных проблем, угрожающих здоровью людей и окружающей среде. Увеличение объема соли и опустынивание земель вдоль берегов моря оказывают на экосистему региона огромное воздействие. Однако речь идет не только об экологическом конфликте, чреватым подлинной катастрофой, борьба за применение способов водопользования не раз становилась причиной конфликта политического [125].

Центральная Азия – богатый энергетическими и водными ресурсами регион, однако большая часть этих ресурсов растрачивается или используется ненадлежащим образом, поэтому отдача от них оказывается незначительной. По некоторым данным, ежегодно в регионе из-за бесхозяйственности в управлении водными ресурсами портится сельскохозяйственной продукции на сумму в 1,7 млрд долларов [219]. Однако, если упомянутые резервы будут использоваться рационально, то имеющихся водных запасов будет вполне достаточно для ирригации и сельскохозяйственного производства, а излишки могут быть использованы для производства электроэнергии с целью последующего экспорта в Китай, Индию и Россию.

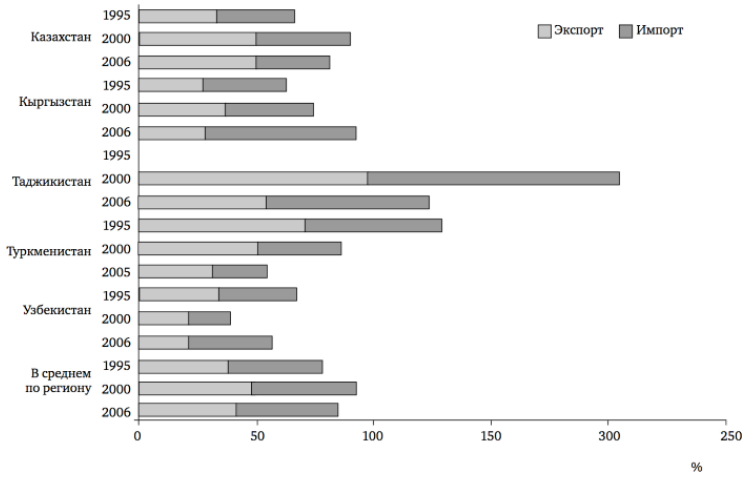
Ключом к рациональному управлению водными и энергетическими ресурсами является сотрудничество между странами региона. Страны, расположенные в верховьях рек, контролируют речные потоки в регионе и в случае необходимости могут принять надлежащие меры относительно подачи необходимого для орошения объема воды. Кыргызстан продемонстрировал такую возможность в собственных целях и, как минимум, пресек неугодные словесные диспуты по поводу регионального сотрудничества [81: 181].

В любом случае, очевидно, что в эпоху глобализации экономики всего мира нуждаются в сотрудничестве. Особенно в этом нуждаются постсоветские республики, которые не только пока не достигли рентабельности и полной самостоятельности, но из-за слабой экономической инфраструктуры, несправедливого распределения богатств и роста коррупции постоянно сталкиваются с различными трудностями.

Странам Центральной Азии с населением более 60 миллионов человек нужно взять экономическое развитие под четкий контроль. По мере решения задач, стоящих перед ними, по мере устранения региональных разногласий страны-члены ВТО улучшат доступ к инвестиционным рынкам.

В настоящее время членом Всемирной торговой организации является только Кыргызстан (с 1998 года). Подали заявку на вступление Узбекистан (1994), Казахстан (1996) и Таджикистан (2001). Туркменистан не проявил заинтересованности [224a: 13] (По состоянию на сегодняшний день: Кыргызстан стал членом ВТО 20 декабря 1998 года, Таджикистан – 2 марта 2013 года, Казахстан – 30 ноября 2015 года, Узбекистан является страной-наблюдателем. – *Примем, ред.).*

Нижеследующая диаграмма показывает степень свободы торговли с учетом отношения экспорта и импорта товаров к валовому внутреннему продукту [253].



Политическая и экономическая география, а также человеческие ресурсы Центрально-Азиатского региона имеют большое значение для торговли и транспортировки това-

ров по всему континенту. Однако экономика стран региона столкнулась после распада СССР с целым рядом торговых, коммуникационных и гуманитарных кризисов [188: 2].

Общая история советского периода накладывает явственный отпечаток на все политические режимы стран региона, образовавшиеся после обретения независимости, и это вызывает большие проблемы в деле проведения политических и экономических реформ. От прошлого центральноазиатским странам достались экономическая зависимость от прежнего уклада, непопулярные торговые шаблоны и устаревшие производственные инфраструктуры, ограниченные торговые поставки и инвестиции. Одним из экономических бедствий региона является «теневая экономика». Ее доля в общем объеме экономической деятельности занимает весьма существенное место, тогда как в развитых странах доля теневой экономики не превышает 10–15 % [68: 10].

Таблица № 1

Соотношение теневой экономики к валовому внутреннему продукту (в процентах) [6: 145]

Узбекистан	13
Казахстан	39
Туркменистан	60
Кыргызстан	100
Таджикистан	100

В большую проблему превратился внешний долг перед международными кредитными организациями и иностранными государствами (см. табл. № 2 и № 3).

Таблица № 2

Общий объем государственных долгов (в процентах к ВВП) [252]

	Средний показатель 1998—2002	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*	*2006*	*2007*
Казахстан	21,1	17,7	14,9	11,4	8,2	6,8	6,7

	Средний показатель 1998—2002	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*	*2006*	*2007*
Туркменистан	42,1	19,1	13,6	9,2	6,1	3,9	2,4
Кыргызстан	108,7	108,7	103,7	96,4	98,8	83,9	78,5
Узбекистан	43	54,6	43,4	36,5	29,9	23,9	20,7
Таджикистан	108,5	87	68	43,9	47,1	45,7	44,5

Таблица № 3

Показателей внешней задолженности (в процентах к ВВП) [252]

	Средний показатель 1998—2002	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*	*2006*	*2007*
Казахстан	65,8	74,2	74,3	74	74	69,8	63
Туркменистан	41,3	19,1	13Э3	9	6,1	3,9	2,4
Кыргызстан	117,3	108,6	98,3	95	87,1	82,4	78
Узбекистан	32,3	44,1	43,7	37,3	31,3	25,9	21,3
Таджикистан	101,7	83,4	66,2	41,8	39,5	34,5	34,8

Авторитарные правительства, дефицит бюджета, отсутствие развитой банковской системы, слабость частного сектора, ограниченность денежного и валютного обмена, коррупция, неблагополучие в налоговой и таможенной системах, этнические конфликты, контрабанда наркотиков – всё это, вместе взятое, стало причиной отсутствия устойчивого экономического роста в регионе [68: 11]. Индексы объема валового внутреннего продукта (табл.

№ 4) показатели прироста экспорта товаров (табл. № 5) и индексы объема фиксированных инвестиций (таблица № 6) говорят о неблагоприятной экономической ситуации региона [6].

Таблица № 4
Индексы объема ВВП [241]

	1998	*1999*	*2000*	*2001*	*2002*	*2003*
Казахстан	98,1	102,7	109,8	113,5	109,8	109,3
Кыргызстан	102,1	103,7	105,4	105,3	100	107
Таджикистан	105,3	103,7	108,3	109,6	110,8	111

	2004	*2005*	*2006*	*2007*	*2008*	*2009*
Казахстан	109,6	109,5	110,5	109/110	104/105	105
Кыргызстан	107	99,4	102,8	106	107	106/ 106,5
Таджикистан	110,6	106,7	107	107	106/107	107
Узбекистан	—	—	107	106	108	107

Таблица № 5
Прогноз прироста экспорта товаров (в процентах) [242]

	2006	*2007*	*2008*	*2009*
Казахстан	139	122	140	110
Кыргызстан	120	115	120	115
Таджикистан	156	—	100	—

Таблица № 6
Прогноз индексов объема инвестиций (в процентах) [243]

	2006	*2007*	*2008*	*2009*
Казахстан	120	115	112	110
Кыргызстан	125	110	102—105	—
Таджикистан	140	—	150	—
Узбекистан	—	—	117—120	115

Взгляд на статистику, отражающую состояние торговли и рыночного обмена в странах Центральной Азии, показывает, что, несмотря на наличие высокого экономического потенциала, страны региона пока еще не смогли эффективно воспользоваться имеющимися возможностями и не научились правильно управлять ими. Примером этого служит вопрос о водопользовании и энергетических ресурсах региона. Другим красноречивым примером, имеющим прямое отношение к экономическому и социальному благополучию стран региона, является контрабанда наркотических веществ, борьба против которой требует тесного сотрудничества всех республик Центральной Азии.

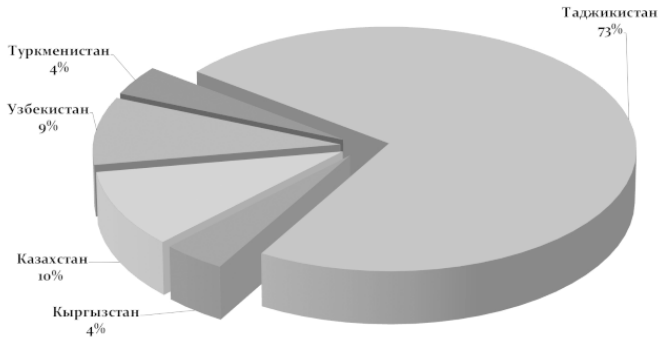
Согласно данным ООН, в 1996 году в регионе было выявлено и изъято 9155,23 кг наркотических веществ. Данный показатель в 2002 году достиг 8076,42, а в 2006 году – 9393,91 кг.

В 2006 году из Центральной Азии контрабандным путем были вывезены 118 тонн героина, из которых был выявлены и изъяты лишь только 3,1 %.

Нижеследующие диаграммы демонстрируют общий объем выявленного и изъятого героина и опиума в каждой стране региона в период от 2002 по 2006 года [212a: 9].

Выявленный и изъятый объем героина в странах региона (2002–2006)

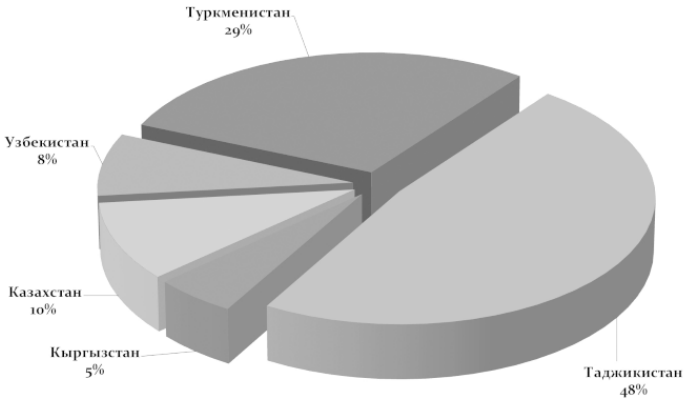
[6] Следует отметить, что таблицы № 4–6 из-за отсутствия точных статистических данных являются неполными и не отражают ситуацию в таких странах, как Узбекистан и Туркменистан.



Диаграммы наглядно показывают, что Таджикистан, как никакая страна в регионе, подвержен опасности, связанной с контрабандой наркотических веществ, в силу общей границы с Афганистаном. По приблизительным оценкам, ежегодно через границы Таджикистана контрабандным путем вывозится 100 тонн героина, что эквивалентно годовому спросу Южной Америки и Западной Европы [219].

Наркотические вещества угрожают здоровью человека, способствуют росту преступлений. И если в краткосрочном плане контрабанда наркотиков может способствовать благосостоянию участвующих в ней граждан и привлечению в экономику кое-каких средств, то в долгосрочном плане эти действия скажутся на экономике дестабилизирующе, приведут к укреплению мафиозных структур и существенному росту преступности.

Выявленный и изъятый объем опиума в странах региона (2002–2006)



Помимо всего прочего, контрабанда наркотических средств может служить финансовым обеспечением повстанцев и боевиков, создавая новые проблемы для правящих режимов. Наконец, нельзя забывать, что участие в контрабанде связано с невозможностью для людей решать бытовые проблемы законными экономическими способами. Участие в организованных преступных группировках, «черный рынок» – все эти действия также предпринимаются людьми, которые не имеют возможности получать прибыль в рамках законной экономической деятельности [65: 9].

В настоящее время Центральная Азия лишена необходимых инфраструктур для гарантирования инвестиций и улучшения процесса развития, чему также мешают плохое состояние дорог и препятствия транзиту товаров. Правительства региона должны провести значительную работу по созданию необходимых условий для свободной торговли и прихода

инвестиций. Однако, невзирая на эти проблемы, Евразийский банк развития объявил, что каждый миллиард долларов, потраченный в Центральной Азии на производство электроэнергии, должен в будущем приносить доход в размере полутора миллиарда долларов ежегодно. Также считается, что при рациональном использовании энергетических и водных ресурсов Амударьи и Сырдарьи страны региона смогут ежегодно получать до полутора миллиарда долларов дохода [146]. Уникальное положение постсоветской Центральной Азии в области энергоносителей, полезных ископаемых и сельского хозяйства открывает перед Ираном новые возможности для расширения экономических связей со странами этого региона.

3. Культурное положение Центральной Азии

С давних времен и до сих пор Центральная Азия является местом встречи великих цивилизаций и культур. Здесь можно обнаружить следы иранской, китайской, славянской и исламской цивилизаций. Однако после присоединения региона к царской России каналы связей Центральной Азии с другими культурными ареалами заметно сузились, а во времена СССР (начиная с 1920 года) были полностью прикрыты.

В советский период в Центрально-Азиатском регионе все традиционные и культурные проявления повседневной жизни людей, не соответствовавшие коммунистической и социалистической идентичности, подавлялись и отторгались. Несмотря на это, жители региона сохраняли свой язык, культуру, обычаи, нравы и религиозные ритуалы. Данная тенденция особенно проявилась тогда, когда Михаил Горбачев, последний руководитель СССР, приступил в 1985 году к осуществлению серьезных и фундаментальных реформ и объявил «гласность» и «перестройку».

«Гласность» реализовалась в смысле открытой полемики, которая позволяла всем публично критиковать политическую линию правительства, коммунистическую партию и руководителей государства. Речь шла о необходимости общественного развития, обновлении форм и методов работы политических и идеологических институтов, углублении социалистической демократии.

Горбачев предложил больше самостоятельности республикам и регионам, сконцентрировав внимание на децентрализации; наряду с ограничением ведущей роли КПСС позволил действовать и другим партиям. Гласность предполагала предоставление людям свободы слова и самовыражения, формирование новых партий и политических объединений, а также стимулирование политической и социальной жизни людей. Возросшая гражданская активность журналистов привела к появлению во всех средствах массовой информации разнообразных материалов в жанре социального расследования, а также прямых репортажей по самому широкому спектру вопросов, причем безо всякой цензуры.

Гласность и перестройка стали в Советском Союзе основой для безграничной и неконтролируемой политической открытости, в ходе которой все социальные, экономические и политические стороны жизни подверглись со стороны оппозиции жесткой критике. Вторжение в области, которые ранее считались запретными, привело к критическому отторжению всего «советского» в целом.

Отмена запретов, расширение свобод, дозволенность открытой полемики между людьми различных взглядов, политический плюрализм – всё это создавало почву для ослабления и распада тоталитарной культуры. Из атмосферы тоталитарной культуры, когда все сферы общественной жизни, в том числе искусство, политика, экономика, общая инициатива, индивидуальные творческие порывы, теория, практика, наука и технология, были объединены вместе под знаменами коммунистической партии, гласность вывела общество на простор культурного разнообразия и разномыслия.

Гласность привела к политической и идеологической эрозии контекста советской культуры и устранила прежнюю политическую и идеологическую монолитность. Рассекреченные архивы были задействованы для формирования критического взгляда на прежнюю идейную преданность. Появление на художественной и идеологической сцене запрещенных ранее произведений и имен привело к маргинализации советской культурной элиты. Вчерашние властители дум были вынуждены разделить славу со своими противниками и пересмотреть свое место в общественной культуре.

В условиях, когда одни оппозиционеры не только не признавали гласность полезной для народа, но считали, что это метод манипулирования общественным сознанием, другие объявляли политику Горбачева наиболее верным путем в движении общества к переменам. В итоге гласность вышла из-под контроля ее создателей, приобрела невиданные размах и силу.

Перестройка и гласность вселяли в сердца людей надежду, что однажды они будут жить в свободном обществе. Влияние перестройки было настолько сильным, что объявленные Москвой свободы взбудоражили союзные республики, население которых пришло в сильное волнение и стало требовать суверенитета. Новая политическая атмосфера вызывала в обществе желание свобод, в том числе свободы от руки Москвы, что немало способствовало росту националистических настроений во всех советских республиках. Таким образом, важнейшим последствием горбачевских реформ в Центральной Азии стало образование в регионе национальных государств, а также свобода в сфере культуры и возврат к прежним ценностям. Народы Центральной Азии в период перестройки всё больше знакомились с внешним миром и с западными культурными достижениями, поэтому они были мотивированы на стремление к независимости и демократическим преобразованиям.

Постепенно народы региона возвращались к традиционной культуре, к старым обычаям, обрядам и религиозным традициям. В этом плане возрождение ислама в Центральной Азии стало одним из важнейших последствий гласности и распада коммунистической системы. Если с началом перестройки, следуя политике своих предшественников, Горбачев считал основной причиной социально-политических неурядиц в Центральной Азии ислам, то позднее он изменил свою антиисламскую позицию.

В начале 80-х годов XX века большинство жителей Центральной Азии выглядели нерелигиозными: ислам был для них частью культурной и этнической идентичности, но не активным духовным убеждением. Верность религии выражалась преимущественно в проведении религиозных церемоний, связанных с похоронами, бракосочетаниями и ритуальным обрезанием мальчиков. Однако к концу десятилетия ислам превратился в мощную политическую силу.

Ислам всегда был важнейшей составляющей идентичности жителей Центральной Азии. Он играл и играет самую существенную роль в формировании этнического и национального единства населения региона – как до, так и после обретения независимости.

Ислам появился на территории Центральной Азии с первых веков хиджры. До ислама в этом регионе закрепился иудаизм, который был самой древней монотеистической религией в данном регионе. Иудеи установили широкие торговые и деловые отношения с соседями. Центральная Азия стала точкой встречи различных культур, где происходил регулярный обмен мнениями и идеями. Многие проповедники прошли по этой земле, однако именно ислам стал ведущей религией региона.

Ислам оказал самое серьезное влияние на историю данной территории. Распространение ислама шло на протяжении веков: жители некоторых частей региона приняли ислам в начальный период после хиджры, а другие (например, население части Казахстана) – только в XVIII веке. В результате под влиянием этой религии оказались традиции и обычаи всего региона. Центральноазиатские кочевники приняли ислам около 680 года. Укрепление ислама

в регионе совпадало по времени с расцветом исламского правления в Багдаде. В течение длительного времени Центральная Азия считалась частью исламского мира, а Великий шелковый путь обеспечивал связь региона с другими исламскими странами. Появилось множество мечетей и медресе.

После падения в середине XVI века Казанского ханства заселенные мусульманами земли впервые вошли под руку Москвы. Постепенно в подчинение России вошло всё больше исламских территорий. И всё же ислам вплоть до начала XX века играл важную роль в местной общественной жизни. Однако после установления коммунистического правления начался процесс преследования ислама, были разрушены сотни мечетей и медресе. Туркестан был расчленен, началась реализация программы формирования новой общности – советского народа, в ходе которой мусульмане неоднократно подвергались репрессиям. Эти репрессии завершились тремя потоками вынужденного переселения мусульман из других регионов в Центральную Азию. С первым потоком в различные регионы Центральной Азии было переселено огромное количество татар, которых Сталин обвинил в связях с немцами; во второй раз переселению подверглись мусульмане юга Грузии; в третий раз – чеченские, ингушские и дагестанские мусульмане (подробнее см.: [12]). Последствия этого и по сю пору наблюдаются в Центральной Азии – в виде разнообразия мусульманской общины.

В бывшем Советском Союзе мусульмане в основном жили в Центральной Азии, на Кавказе и в Поволжье. Большинство из них были последователями ханафитского толка суннитской богословско-правовой *школы-мазхаба.* На Кавказе следовали шафиитскому толку суннизма. В Таджикистане были привержены исмаилитскому толку шиизма. В Закавказье имели место мусульмане как из числа шиитов, так и из числа приверженцев суннизма.

В Советском Союзе в период большевизма исламская культура подвергалась серьезным преследованиям. Учение Маркса отрицало всякую религию, поэтому заселенные мусульманами регионы Центральной Азии и Кавказа пострадали весьма существенно. Борьба против ислама осуществлялась через активную антирелигиозную пропаганду, опровержение религиозных догматов, реформу системы образования и программу русификации – путем изменения языка и заселения русскоязычного населения в соответствующие регионы. Советская власть хотела контролировать ислам, с этой целью было позволено сохранить некоторые мусульманские духовные институты самоуправления, которые должны были действовать в установленных правительством рамках, то есть не могли функционировать в полной мере [182: 7 – 21].

Исследования ситуации «до» и «после» распада Советского Союза показывают, что большевикам не удалось выкорчевать корни ислама из жизни мусульман Центральной Азии. Исламская культура продолжала играть важную роль в жизни жителей этого региона. Если в царской России принцип свободы вероисповедания соблюдался, то в СССР были предприняты самые серьезные попытки искоренения ислама и насаждения в Центральной Азии русской культуры. Сопротивление подавлялось: так, в 1929 году в ходе знаменитого ташкентского судебного процесса под видом «руководителей движения» было осуждено большое количество мусульман [85: 59].

Важно, что люди боролись за сохранение своих национальных и религиозных традиций и обычаев. Внутриэтнические браки в Центральной Азии были важным признаком сохранения идентичности. У киргизов 95 %, у казахов 93 %, у туркмен 90 %, у узбеков 86 % браков были внутриэтническими, несмотря на то, что в Казахстане около половины населения – не казахи, а в Кыргызстане четвертая часть населения была представлена русскими. Несмотря на беспощадные репрессии в Центральной Азии, попытки создания единой общности – *советского народа*, в процессе формирования которой подавлялось чувство этнической принадлежности, успехом не увенчались. Народы региона сохранили свои традиции и обычаи. Такой провал политики коммунистических руководителей по ликвидации нацио-

нальной идентичности целым рядом авторов характеризуется как основной фактор развала Советского Союза [14: 121].

Здесь следует указать на два момента: 1) различие между традиционным и нетрадиционным исламом и 2) наличие в регионе многочисленных суфийских братств. Большинство постсоветских мусульман проживало в Центральной Азии, Азербайджане, Татарстане и Башкортостане. Поскольку правительство не хотело, чтобы религия играла роль объединяющего фактора, были созданы центры для управления делами советских мусульман. Создание подобных центров означало признание советской властью того факта, что отделение мусульманских народов от ислама и полное устранение религиозной культуры с жизненной арены мусульман – дело невозможное.

В 1946 году для управления религиозными делами мусульман были созданы четыре центра:

1. Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана с центром в Ташкенте;
2. Духовное управление Европейской части Советского Союза и Сибири с центром в Уфе;
3. Духовное управление мусульман Северного Кавказа с центром в Махачкале;
4. Духовное управление мусульман Закавказья с центром в Баку [17: 67–78].

Три первые занимались регулированием религиозных дел последователей суннизма и возглавлялись муфтиями, тогда как Духовное управление мусульман Закавказья занималось регулированием религиозных дел и суннитов и шиитов; возглавлял его шейх ул-ислам. Руководители духовных управлений избирались на конгрессах представителей духовенства и верующих.

В обязанность упомянутых духовных управлений входило вынесение вердиктов (*фетва*), решение религиозных вопросов, составление посланий для мусульман, отправка паломников в Мекку и другие святые места. Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана занималось управлением делами религиозных объединений в пяти республиках региона. Управление включало различные отделы по вынесению вердиктов, отдел международных связей, представителей в республиках, а также редакционную коллегию журнала, который распространялся среди мусульман советского Востока. Управление установило связи со многими научными центрами за рубежом, особенно с университетом «аль-Азхар» в Египте [42: 55].

Одной из важных сторон деятельности духовных управлений в советских республиках было издание религиозных текстов. Согласно некоторым авторам, Священный Коран в Советском

Союзе был издан и распространен 9 раз. В Москве Священный Коран был издан в 1963, 1986 и 1989 году в переводе известного востоковеда-арабиста И. Ю. Крачковского. Данный перевод широко использовался по всему Советскому Союзу и особенно в республиках Центральной Азии. Такие книги, как «ал-Джами' ас-сахих» («Свод достоверных [хадисов]») имама ал-Бухари, «Жизнеописание имама ал-Бухари» (в 2 томах), «аш-Шама'ил» («Описания») имама ат-Тирмизи, «Грамматика арабского языка», «Усул ал-фикх» («Основы [исламского] богословия»), «ал-Мутали'ат ал-Азхарийа» («Исследования [университета] ал-Азхар» и десятки других, были изданы Духовным управлением мусульман Средней Азии и Казахстана. С 1968 года в Ташкенте издавался журнал «Мусульмане Советского Востока» на арабском, персидском, английском, французском и узбекском языках. В данном журнале публиковались вердикты, статьи религиозного характера и другие материалы, связанные с духовными делами [17: 79–89].

Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана руководило двумя учебными заведениями – медресе Мир-Араб в Бухаре и Институтом имени имама ал-Бухари в Ташкенте. Все официальные духовные лица республик Центральной Азии являются

выпускниками этих двух учебных заведений. Медресе Мир-Араб ведет историю с начала XVI века. Известный знаток экзегетики и хадисов XIX века Шейх Казн ‘Аскар и известный таджикский ученый Садриддин ‘Айни являлись воспитанниками этого учебного заведения. После учреждения Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана в 1946 году данное медресе вошло в его подчинение. Медресе Мир-Араб считается одним из самых известных в исламском мире религиозных учебных заведений, оно воспитало множество учеников по различным направлениям религиозных наук [85: 61].

В 1958 году Духовным управлением мусульман Средней Азии и Казахстана был учрежден Ташкентский исламский институт имени имама ал-Бухари [5: 357]. Данное учебное заведение имело обширную учебную программу, в нем обучались студенты по различным направлениям религиозных наук: *фикх* (исламское богословие), экзегетика и т. д. Прошедшие обучение работали в различных городах Центральной Азии в качестве имамов пятничных мечетей, занимаясь распространением исламского учения и решением вопросов религиозного характера.

Под руководством Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана в различных городах и селениях работало множество мечетей – в основном религиозные учреждения в рамках официального ислама. Однако этим функционирование ислама в регионе не ограничивалось. Заслуживает отдельного внимания такое явление, как неофициальное распространение ислама.

Для неофициального ислама важными были религиозный дух народа, деятельность мулл, официально не признанных Духовным управлением, сохранение связей с исламскими святынями, соблюдение традиций и обрядов. Именно неофициальный ислам больше всего поспособствовал тому, чтобы в годы «гласности и перестройки» из минаретов снова начал раздаваться призыв на молитву *(азан)*. Различные духовные братства в Центральной Азии были основными факторами сохранения религиозного духа в народе, они определяли стиль народной жизни, особенно в общинах, расположенных далеко от больших городов. Роль ислама в жизни народов этих регионов можно охарактеризовать двояко: а) в рамках этнической лояльности; б) в рамках суфийских братств и сект.

1. Этническая лояльность. Среди мусульман встречаются три формы верности исламу: племенная верность, национальная верность и транснациональная верность. Хотя национальная и транснациональная формы верности при коммунистической власти были ослаблены, народы региона всё же сохранили исламские правила, фактически заявив, что никогда не станут искать национальную идентичность в коммунистической идее. Именно благодаря исламским ценностям возникла возможность национальной исламской лояльности. Сегодня республики Центральной Азии находятся в состоянии поиска своей идентичности как части единого сообщества народов мусульманских стран [42: 58]. И в этом процессе ислам сыграл в повседневной жизни народов Центральной Азии важнейшую роль, что позволило сохранить исламскую идентичность региона.

2. Суфийские братства, такие как «Накшбандийа», «Кубра-вийа», «Иасивийа», «Кадирийа» и «Чиштийа», сыграли большую роль в истории Центральной Азии. Эти братства считаются важными суфийскими орденами региона, здесь они появились, отсюда начали распространяться по миру. Важнейшим среди них является суфийский орден «Накшбандийа», основанный в XIV веке суфийским шейхом Баха’ ад-дином Накшбандом. Влияние данного ордена через Великий шелковый путь постепенно распространилось из Ирана и Центральной Азии до самого Китая. Последователи этого ордена встречаются в Иране, Индии, Турции и на Балканах. Ширин Акинер, известный исследователь суфизма в Центральной Азии, замечает:

«С самого начального периода распространения ислама на этой земле суфийское учение в Узбекистане стало процветать. Бухара и Хива, считающиеся двумя важнейшими сред-

невековыми центрами суфийского учения, находятся на территории современного Узбекистана. Оба эти центра сыграли важную роль в распространении суфизма во всем мире. Наджм ад-дин Кубра (1145–1221) приступил к обучению правилам суфийского пути в Хиве. Его учение известно в мире под названием ᴹКубравийаᴹ. Баха' ад-дин Накшбанд (1318–1389) учил в Бухаре правилам суфийской стези "Накшбандийа", известной также под названием пути *(марикат)* ''Хаджаган". Эти два ордена (и особенно Накшбандийа), пользовались огромным влиянием, которое распространилось постепенно по всей Центральной Азии, а затем – на Кавказ, в Поволжье, Анатолию, Курдистан и Индию. Накшбандийа и сегодня является крупнейшим суфийским орденом, привлекающим последователей на Западе и на Востоке» [5: 359].

Суфийский орден «Кадирийа» сформировался как сплоченное братство после Октябрьской революции и получил широкое распространение в Казахстане с приходом туда чеченцев и ингушей. Чеченцы и ингуши сыграли весьма значительную роль в защите ислама не только на Кавказе, но и по всему Советскому Союзу – и особенно в Центральной Азии, поскольку Казахстан в различные периоды большевистского правления служил прибежищем для вынужденных переселенцев из других регионов страны. Чеченцы и ингуши в период правления Сталина были насильственным образом переселены в другие места, часть из них оказалась в Казахстане. Распространение учения «Кадирийа» в Казахстане стало результатом этого переселения и сыграло существенную роль в защите ислама в регионе.

Суфийский орден «Иасавийа» является одним из самых влиятельных братств в Казахстане и во всей Центральной Азии. Ходжа Ахмад Иасави был выходцем из Казахстана. Вдохновившись учением Накшбандийа, он основал новое суфийское братство. Ходжа Ахмад Иасави и его последователи оказали заметное влияние на процесс распространения ислама на юге Казахстана. Мавзолей этого видного исламского деятеля был построен по велению эмира Тимура и стал местом паломничества множества паломников. Находится он в Чимкентской области на юге Казахстана, его построили иранские архитекторы и мастера-строители в ирано-исламском архитектурном стиле (подробнее см: [39]).

Ходжа Ахмад Иасави пользуется среди мусульман Центральной Азии огромным уважением, к его мавзолею стекаются многочисленные почитатели не только из Казахстана, но и из других республик. Подобно тому, как люди из различных частей региона отправляются на паломничество к мавзолею Баха' ад-дина Накшбанда в Бухаре, молясь об удовлетворении своих нужд, огромное количество паломников направляется к мавзолею ходжи Ахмада Иасави, преодолевая часть пути до города Туркестана пешком. Автор этих строк лично был свидетелем глубоко уважительного отношения множества людей к обеим святыням. Казахи считают паломничество к мавзолею ходжи Ахмада Иасави малым хаджжем и обращаются к каждому совершившему паломничество со словами: «Пусть Бог примет твое паломничество!». Правительство Казахстана также высоко чтит память ходжи Ахмада Иасави и после обретения независимости уделяет огромное внимание тому, чтобы Туркестан был признан духовным центром мусульманского мира.

Накшбандийа – крупнейший в мире суфийский орден. Последователи этого ордена встречаются от Центральной Азии до Балканского полуострова, а также до Индии. Данное братство оказало исламу огромные услуги по сохранению и распространению веры в различных точках земного шара. Одним из принципов этого братства является проявление уважения к праведным предшественникам *(салафе салех*), что заметно сближает данное братство (хотя оно принадлежит к суннитам) с шиитской школой. Как было указано, мавзолей имама Баха' ад-дина Накшбанда в Бухаре весьма почитаем. Многие паломники, что обращаются к нему со своими нуждами, уважительно проделывают часть пути к мавзолею пешком.

Разъяснение роли суфизма в Центральной Азии нуждается в отдельном исследовании. Однако следует заметить, что все суфийские братства выступали в качестве ревностных

и весьма эффективных защитников ислама. В них получили воспитание многочисленные духовные лица, которые пользовались среди народа большим влиянием в разные исторические периоды Центральной Азии.

Для примера: в Кыргызстане имамом Бишкекской соборной мечети со стороны Духовного управления мусульман республики *(казийат)* был назначен Абдулмаджид Кари. Фактически мусульманской общиной руководят признанный всеми мусульманами города праведник и суфий Ильяс Таксир и его ученики. Ильяс Так-сир – религиозный ученый дагестанского происхождения – внес огромную лепту в дело защиты ислама в Кыргызстане и воспитал множество учеников. Он живет в селе на расстоянии 25 км от Бишкека, где у него есть медресе, в котором воспитываются десятки учеников. Подобное положение, когда неофициальное духовенство пользуется большим уважением, чем официальное, очень часто встречается и в других республиках [85: 64].

Таким образом, вопреки многочисленным мерам, принимаемым центральной властью против ислама, мусульмане республик Центральной Азии и Кавказа не предали веру забвению, но хранили и сохраняли ее различными способами. В течение семидесяти советских лет предпринималось немало усилий, чтобы заменить ислам научным атеизмом, однако ислам состоялся как маркер культурной и этнической идентичности народов Центральной Азии; в последнее же десятилетие СССР произошло возрождение ислама.

С одной стороны, возрождению ислама содействовали движения, которые, пользуясь атмосферой свободы и открытости, направили все силы пропаганду веры. Эти движения ассоциированы с Ферганской долиной и с кружками, организованными вокруг преподавателей религиозных дисциплин.

С другой стороны, руководители Советского правительства в борьбе с исламской угрозой, которую они считали привнесенной из-за рубежа, старались опереться в регионе на традиционный ислам. Именно в этот период руководителями Духовных управлений в республиках Центральной Азии стали такие лица, как Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф, Акбар Тураджонзода, Насруллах ибн Ибадуллах, которые обучались в высших учебных заведениях, в том числе за рубежом. В этот период были предприняты более действенные меры по строительству мечетей и изданию религиозной литературы [56: 117].

Исламские процессы в регионе в конце 80-х и начале 90-х годов XX века делятся на три этапа. Сначала наблюдалось тяготение к традиционному исламу, который пребывал в тесной связи с этническими традициями и национальной идентичностью жителей Центральной Азии. Атмосфера открытости, воцарившаяся в последние годы существования Советского Союза и далее в 90-е, позволила духовным предводителям заняться возрождением религиозных структур, которые ранее были уничтожены. Люди с большим энтузиазмом приступили к учреждению религиозных учебных заведений и строительству мечетей, активно участвовали в религиозных праздниках и обрядах. В Узбекистане за период с 1994-го по 1987-ый год количество мечетей возросло с 78 до 3000, а количестве медресе с 2 до 50 единиц. За этот же период количество мечетей в Кыргызстане увеличилось с 34 до 1000.

Регулярное совершение праздничных и иных намазов с участием огромного количества верующих, широкая деятельность отечественных и зарубежных религиозных миссионеров, издание большими тиражами Корана и другой религиозной литературы, даже прикрепление к ветровым стеклам автомобилей этикеток и наклеек религиозного содержания – всё это свидетельствовало о возрождения ислама [85: 65].

Другая тенденция, связанная с исламом в постсоветский период, заключалась в том, что ислам попал под защиту правительства. Защита ислама со стороны руководителей центрально-азиатских стран фактически означала, что в постсоветской атмосфере могли получить распространение самые экстремистские и радикальные течения ислама. Вместе с тем в период, когда независимые республики Центральной Азии были заняты поисками собствен-

ной идентичности, нельзя было пренебречь исламом как важнейшим фактором, формирующим национальную идентичность – в противовес интернациональной и атеистической концепции советского народа.

В то время, когда конституции республик закрепляли положение об отделении религии от государства, руководители постсоветских центральноазиатских стран, особенно в начальные годы независимости, открыто выступили за религиозное обучение и распространение исламских знаний. Нурсултан Назарбаев, который руководит страной, половину населения которой составляют немусульмане, лично отдал приказ о строительстве новой мечети в Алма-Ате. Впоследствии президент Казахстана вместе с супругой присутствовали на праздничном намазе ‘Ид аль-Фитр [85: 66].

Президенты центральноазиатских республик стремятся к тому, чтобы с защитой того, что на их взгляд считается «хорошим исламом» (т. е. официального ислама, который не противоречит общей политике этих стран), получить возможность контролировать и экстремистские тенденции. В конце 90-х годов XX века в большинстве республик были приняты законы о контроле над религиозной деятельностью (и особенно над деятельностью иностранных организаций). Во всех пяти центральноазиатских странах религиозные центры должны заручиться официальным разрешением для своей деятельности.

Государственные органы стремятся к тому, чтобы одновременно с оказанием поддержки муфтиятам, которые после распада СССР отделились от регионального Духовного управления, не вмешиваться в дела этих центров. В Казахстане некто Абсаттар Дербисали, не имевший религиозного образования, но занимавший пост советника Посольства Казахстана в Саудовской Аравии, при поддержке правительства занял пост Верховного муфтия республики вместо Ратбека Нысанбаева, который до того проработал на этом посту в течение десяти лет. В Кыргызстане при непосредственном вмешательстве правительства в 1993 году верховный муфтий был также смещен со своего поста. В Узбекистане лояльность по отношению к правительству – одно из требований, предъявляемых к духовенству. После смещения в 1993 году с поста и изгнания из страны муфтия Узбекистана Духовное управление мусульман этой страны стало безоговорочно поддерживать государственную политику.

Единственным исключением является Таджикистан, где Партия исламского возрождения (деятельность которой была запрещена в 1993 году) в ходе парламентских выборов в 1999 году вновь была признана законной и получила в парламенте страны два мандата [168].

В любом случае, в условиях отсутствия четкого разграничения между традиционным исламом и исламским фундаментализмом основной угрозой (особенно со стороны государственных органов) считается исламский экстремизм (ваххабизм). Выражение «исламский фундаментализм» не несет религиозного смысла, но указывает на людей, которые расходятся с центральными властями и государственными религиозными учреждениями во взглядах и интересах, а для достижения своих целей готовы к применению насилия. Слова «ваххабизм» и «ваххабиты» имеют такое широкое применение, что зачастую используются некоторыми духовными лицами для дискредитации оппонентов.

Общими для всех экстремистских групп в регионе являются следующие признаки: 1) непризнание легитимности существующих властей или притязания на участие во властных структурах; 2) противопоставление себя «огосударствленному» исламу и требование возврата к истинно исламским социальным институтам и ценностям. В последние годы существования СССР был заключен тактический союз между сторонниками традиционного ислама и экстремистскими группами с общей целью возрождения религии. Однако после распада Советского Союза был заключен новый тактический союз – между сторонниками традиционного ислама и представителями правительственных структур; подобная мера стала ответом на угрозы со стороны экстремистских групп.

В результате принятия в 1989 году законов о свободе религии и религиозной деятельности в некоторых республиках Центральной Азии, в частности в Казахстане, Таджикистане и Узбекистане, была создана почва для активного участия религиозных деятелей, получивших к тому же доступ к средствам массовой информации, в общественной жизни.

Появление влиятельных религиозных лиц и групп привело к тому, что страны региона в первые же годы после распада СССР запретили деятельность религиозных партий, чтобы уменьшить их влияние на общество. Были приняты документы, по которым деятельность политических партий религиозного характера была объявлена незаконной. Однако эти партии, пользуясь одобрением народа, продолжили свою деятельность неофициально, а порою и в нелегальной форме.

К числу партий, на деятельность которых во всех пяти постсоветских республиках Центральной Азии наложен запрет, относится «Исламская партия Возрождения», боровшаяся за создание в регионе единого религиозного государства. Деятельность этого исламского движения базировалась в Узбекистане, Таджикистане и частично на территории Кыргызстана. Общее число членов доходило до 50 тысяч человек. Движение за возрождение ислама выступало против любого проявления национализма и этнической исключительности; примером в большей степени служил опыт Пакистана, нежели Ирана.

Нужно упомянуть еще две весьма активные исламские партии – «Хизб ут-Тахрир ал-Ислами» («Исламская партия освобождения») и «Исламское движение Узбекистана». Их влияние довольно существенно и распространяется на сопредельные страны [85: 68].

Партия «Хизб ут-Тахрир», целью которой является создание всеобщего исламского государства (халифата), происходит от движения «Ихван ал-муслимин» («Братья-мусульмане»). Деятельность партии распространилась по Среднему Востоку, Северной Африке, а затем – по Юго-Восточной Азии. Согласно официальному сайту, «Хизб ут-тахрир» – политическая партия, идеология которой основана на учении ислама. Она борется за возврат мирового мусульманского сообщества к исламскому образу жизни в исламском же обществе, которое управляется на основе законов шариата и под знаменем халифата. Членство в партии является добровольным, не зависит от пола, национальности и цвета кожи, поскольку партия принадлежит всему мусульманскому сообществу. Среди важнейших задач: политическая и просветительская борьба против неверия; отпор странам-колонизаторам, поработившим исламские страны; борьба с правителями арабских и мусульманских стран [244].

Деятельность партии в Узбекистане началась в 1992 году. С тех пор в ее брошюрах Узбекистан значится областью (*велаят*) мирового исламского государства. Первичным структурным элементом этой партии являются звенья, каждое из которых состоит из 5–7 человек; связь между ними осуществляется через руководителей звеньев. Члены партии проходят серьезное обучение, после чего ведут активную пропаганду ислама; как правило, говорят они вдохновеннее и убедительней, нежели официальные духовные лица. «Хизб ут-тахрир» объявляет себя сторонницей мирных методов, а джихад считает формой религиозной деятельности. Партия дважды (в 1998 и 1999 году) претерпела раскол, в результате чего от нее откололись две группировки («Акрамийа» и «Хизб ан-нусра»).

Согласно взглядам «Хизб ут-тахрир», общество нуждается в нравственном очищении, которое состоит в обращении к исламским ценностям в рамках исламского государства. Такая позиция служит причиной для обвинения партии в стремлении к насильственному свержению властей. Сторонники партии в Узбекистане подверглись жестким репрессиям. Под предлогом борьбы с фундаментализмом на членов партии стали оказывать мощное давление так же и в Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане.

Международные правозащитные организации обвиняют «Хизб ут-тахрир» в панисламизме. Между тем данная партия избрала ненасильственный путь – в рамках свобод, представляемых конституцией каждой республики.

«Хизб ут-тахрир», чья основная деятельность сосредоточена в Ферганской долине, ни разу не была напрямую замешана в каких-либо насильственных действиях. Эмоциональное отношение к этой партии служб безопасности региона связано с ее влиянием на экстремистские движения, такие как «Исламское движение Узбекистана», позднее переименованное в «Исламскую партию Туркестана». На рубеже веков это движение организовало в столице Узбекистана несколько террористических актов, после чего перенесло свою деятельность в Афганистан, где некоторые партийцы присоединились к аль-Каиде [85: 68].

Президент Узбекистана Ислам Каримов в отношениях с партией «Хизб ут-тахрир» проявлял разумную осторожность. В отличие от «Исламского движения Узбекистана», она не была включена в список террористических организаций [7].

США относят «Хизб ут-Тахрир» к числу исламистов, действующих ненасильственными методами, однако способствующих распространению среди мусульман экстремистских настроений.

«Исламское движение Узбекистана», возникшее в 1996 году, открыто выступает за свержение правительства Каримова, не ограничиваясь религиозной и просветительской деятельностью [187: 244]. Руководители движения Тахир Юлдашев и Джума Намангани были заочно приговорены к смертной казни по обвинению в минировании административных зданий (в 1998 году в Ташкенте). Некоторые аналитики утверждают, что одним из основных направлений деятельности этой группировки, как и для аль-Каиды, является организованная контрабанда наркотиков (преимущественно героина) транзитом из Афганистана в Европу.

«Партия исламской справедливости» и «Партия исламской демократии» также являются сравнительно активными политическими образованиями, деятельность которых властями республики запрещена [169].

Казахстан и Кыргызстан применительно к исламским экстремистским группировкам во многом находятся под влиянием своих южных регионов, граничащих с Таджикистаном и Узбекистаном. Единственной активной исламской партией, возникшей в Казахстане, была партия «Алаш», созданная в 1990 году и придерживающаяся шовинистических и пантюркистских взглядов. Деятельность этой партии казахскими властями была запрещена.

В Туркменистане деятельность экстремистских групп незначительна и сосредоточена вокруг Хорезма, который находился под влиянием «Исламской партии возрождения». Введенные в Туркменистане жесткие ограничения, а также этнические и культурные особенности самих туркмен не позволили сформировать почву для деятельности исламских фундаменталистов.

В Таджикистане действовали две партии – «Партия исламского возрождения Таджикистана» и «Исламская партия возрождения». Первая в процессе гражданской войны в республике вступила в конкурентную политическую борьбу с правительством – на основе и в рамках конституции [187: 257–259] \ вторая боролась против любого национального правительства. [8]

Исламские движения в Центральной Азии пока еще недостаточно хорошо изучены. Часть из них преследовалась властями, поэтому теперь они работают нелегально, а статистические данные о них отсутствуют. С учетом возникшей реальности сложно провести четкую разграничительную линию между легитимными требованиями данных движений, которые могут быть разъяснены в рамках конституции, и актами насилия, которые они подчас практикуют. Ограничению деятельности подобных движений также способствуют про-

[7] В Казахстане деятельность «Хизб-ут-Тахрир» запрещена судом за экстремизм. В России партия признана террористической организацией. – *Примеч. ред.*

[8] 29 сентября 2015 году Верховный Суд Таджикистана признал «Партию Исламского Возрождения Таджикистана» экстремистско-террористической организацией, прекратил деятельность партии и ликвидировал ее в качестве юридического лица, закрыл партийный интернет-сайт и запретил ввоз литературы, газет и листовок партии. – *Примеч. ред.*

блемы, связанные со структурой и финансовым обеспечением, а также наличие этнических и иных конфликтов между участниками [85: 69].

Несмотря на вышеперечисленные проблемы, в течение всего периода после обретения независимости и на всех уровнях постоянно наличествовали стимулы для усиления роли ислама в центральноазиатских странах. Большинство населения региона составляли последователи ислама (казахи, узбеки, таджики, туркмены, киргизы, каракалпаки и дунгане). Распад СССР породил атмосферу, в которой жители региона продемонстрировали готовность возвратиться в лоно ислама – вопреки навязываемому в течение многих лет атеизму.

В настоящее время возврат народов Центральной Азии к нормам идентичности досоветского периода, привел к такой ситуации, что жители региона, даже если они не исповедуют ислам, все же считают себя обязанными поступать как мусульмане. Поэтому возврат региона к исламу в значительной степени рассматривается как необходимое условие для восстановления культурной преемственности. В то же время, когда жители региона не желают отказываться от исламского наследия, руководители региона используют тактические средства ислама, не желая, чтобы будущее определялось прошлым.

Помимо религии, которая в посткоммунистический период имела в народе беспрецедентный рост, наблюдалось широкое возрождение старинных обычаев и нравов. Одной из важнейших традиций народов Центральной Азии является празднование Навруза, которое в последние годы отмечается с особенным волнением. Праздник, который многие годы находился в противоречии с целями коммунистической партии, после прихода к власти Горбачева и проведения масштабных политических реформ, после распада СССР и обретения республиками независимости снова занял в народной жизни достойное место. По всему Центрально-Азиатскому региону Навруз и связанные с ним традиции и ритуалы стали предметом всеобщего внимания: не только народы, но и руководители государств проявляют особую заинтересованность в праздновании Навруза. С приходом весны в знак уважения к Наврузу объявляются официальные выходные дни, сам праздник имеет национальное значение.

Перестройка и гласность, а также распад Советского Союза дали толчок и культурным преобразованиям в регионе. В эти годы наравне с яркими литературными талантами современных таджикских литераторов, таких как Мумин Каноат (род. в 1932), Бозор Собир (род. в 1938), Лоик Шерали (1941–2000), Аскар Хаким (род. в 1946) и Гулрухсор Сафиева (род. в 1947), зажглись таланты нового поколения поэтов и писателей Мавераннахра, в частности на территории Узбекистана (в таких древних городах, как Самарканд, Фариш, Термез, Ташкент и Фергана).

Б) Регион на арене международной политики и его значение для внешней политики Ирана

Международные отношения до 60-х годов прошлого века в основном определялись двумя позициями: идеалистической (особенно в период между мировыми войнами) и реалистической (особенно начиная с 40-х годов). Сторонники первой позиции анализировали все мировые события через призму глобальных идей, таких как «мир», «война», «идеи», «интересы», «власть». Однако новые реалии и новейшие социальные теории вызвали к жизни понятия куда более прагматические, диктуемые объективными нуждами, потребностями и реальностями нового мира.

Вместо попыток истребить корни конфликтов и войн и ограничить гонку вооружений (что едва ли представляется возможным), государствам следует приступить к созданию массовых неполитических организаций в области науки, техники, экономики, социальной и культурной жизни. Создание подобных организаций в таких, к примеру, отраслях, как производство и распределение энергии, транспорт и медицинское обслуживание, является более легкой задачей, нежели создание международных политических организаций, которые ограничивают интересы национальных правительств, в связи с чем последние не спешат принимать в них участие и такие организации могут просто оказаться невостребованными. Однако постоянное расширение сети государственного сотрудничества, необходимого для совместного решения объективных проблем, может понудить государства к принятию некоторых ограничений во властных полномочиях. Возникает надежда, что по мере умножения различных видов межгосударственных связей, по мере появления неполитических организаций, не ограниченных национальными границами, национальные институты также станут постепенно меняться. Сотрудничество между различными странами будет происходить на доминирующем фоне международных отношений – двусторонних, региональных и общемировых. Европейская практика (с 70-х годов прошлого века), практика стран юга и запада Азии (начиная с 80-х), а также опыт стран Северной Америки говорят об эффективности данной точки зрения [227: 72].

Теория регионального сотрудничества попала в современный период под влияние функционализма, а позднее и неофункционализма. Однако и ранее вопросам сотрудничества также уделялось особое внимание – с точки зрения права и правовых институтов. Под эгидой федерализма сотрудничество рассматривалось как законотворческая деятельность и установление общих правовых институтов.

Позднее, в 60-е годы прошлого века, вопросы регионального сотрудничества рассматривались исходя из теории коммуникации. Процессы интеграции изучались на примере межгосударственного обмена в таких отраслях, как торговля, туризм, почтовое дело и миграция. Данная теория, несомненно, полезна для получения информации об определенном уровне сотрудничества в конкретно взятом регионе или между группой стран, однако она не работает в том случае, когда нужно исследовать причины возникновения сотрудничества или дать рекомендации по его укреплению. Теория функционализма, напротив, весьма пригодна для изучения конкретных этапов сотрудничества, интеграции и сближения стран. В дальнейшем эта теория подверглась серьезной критике за чрезмерную технократичность, неспособность к прогнозированию и пренебрежение по отношению к политической элите и политическим институтам. Неофункционализм ревизовал теорию функционализма и внес в нее необходимые поправки: на первый план выступила политика и стремление к политическому сотрудничеству, но через сотрудничество экономическое. Сильная сторона неофункционализма – стремление к управляемой интеграции на региональном уровне.

Объективные и реальные потребности наций и государств отдельно взятого региона, которые вытекают из их географического положения, обеспеченности запасами энергоресурсов, культурных и иных особенностей, порождают вопросы и проблемы, в решении которых заинтересован весь регион. Чтобы извлечь выгоду из решения общерегиональных проблем, следует налаживать взаимное сотрудничество.

Сотрудничество не может начинаться на пустом месте, для этого необходимо наличие ряда условий, таких как общие экономические интересы, сходство экономических систем, некоторая степень взаимозависимости, политический плюрализм. Если эти условия присутствуют, установление связей между государствами на двустороннем или многостороннем уровне, а также создание нужных для обеспечения сотрудничества механизмов и институтов становится насущной необходимостью. Дело пойдет лучше, когда имеется совокупность общих факторов, таких как общая история и культура, добрая воля элиты и принимающих политические решения лиц, а также наличие непротиворечивых политических тенденций. Такое сотрудничество в ходе развития может превратиться в полноценную экономическую и политическую интеграцию [227: 73].

Мы понимаем Центрально-Азиатский регион как группу близлежащих стран, представляющую собой отдельный экономико-географический, близкий по национальному составу и культуре, однотипный по общественно-политическому строю район мира. Развитие регионального сотрудничества в 80-е и 90-е годы прошлого века шло через процесс формирования экономических отношений между разными странами, и это стало самым эффективным средством для постепенного развития национальных экономик и их вхождения в мировую экономику. В росте региональной интеграции важную роль сыграли окончание холодной войны и распад Восточного блока. Геополитическая обстановка этого и последующего времени сложилась таким образом, что США обладают большей экономической мощью с меньшими возможностями ее применения, а противники США – меньшей экономической мощью с большими возможностями ее приложения.

Регионализм в международной политике стоит выше национализма и указывает на беспрецедентное расширение экономического и политического сотрудничества между государствами в различных географических регионах. Регионализм может стать результатом принятых в правительственных верхах политических мер в области создания объединяющих территориальных подразделений и упорядочения общих политических линий, но может формироваться снизу – через инвестиции со стороны частных компаний, а также через экономическую миграцию. Однако важнейшей причиной развития региональной интеграции является высокая цена за отказ от вступления стран региона в общие экономические союзы.

Развитие регионализма способствует расширению политических, экономических и культурных связей в регионах. Соответственно, внимание аналитиков сейчас приковано к различным политическим, экономическим и торговым союзам, тогда как раньше их внимание фокусировалось на государстве-нации. Несмотря на то, что национальные экономические структуры пока еще пользуются юридическими привилегиями и самостоятельно отвечают за свои действия на международном рынке, их присутствие постепенно теряет былое значение – по мере развития регионализма и организации всё большего числа политических союзов.

Экономика регионов может через устранение таможенных преград обеспечить доступ компаний к более широким рынкам, устранить заслоны на пути движения капитала и технологий, может открыть для себя обширные горизонты на пути вхождения в глобальную экономику. По этой причине регионализм считается самым эффективным путем быстрого роста национальных экономик.

Развитие регионализма также влияет на анализ текущих процессов экономического и социального развития разных стран региона и их сравнительные классификации. Поэтому

область международных экономических отношений подразделяется на географические составляющие, каждое из которых является продуктом развития и изменения мировой экономики (подробнее см.: [89]).

Некоторые авторы убеждены, что регионализм и глобализм являются звеньями одной цепи: первый подготавливает необходимую почву для второго. Действительно, региональная торговля может использовать в качестве эффективного шага к глобальной экономике такие процедуры, как отмена таможенных пошлин, использование производственных мощностей других стран, предоставление доступа к большим и надежным рынкам, создание условий для привлечения иностранного капитала и технологических инвестиций. Четко налаженные региональные коммерческие механизмы считаются фактором поощрения инвестиций и создания новых рабочих мест в регионе. В результате, регионализм открывает новые горизонты для экономического развития региона [11:1147–1154].

Повестку регионализма формируют политические цели и задачи, но одновременно расширение региональной торговли выступает в качестве гаранта мира и стабильности в регионе. В общих чертах региональные тенденции можно разделить на две группы: 1) успешные региональные тенденции, которые по причине торгово-экономической структуры стран-членов и их экономической мощи обладают большим эффектом для торговли как внутри блока, так и вне него, способствуя более быстрому развитию всех участников; 2) малоуспешные региональные тенденции, которые из-за отсутствия структурированности торговли и экономики стран-членов не приводят к ожидаемым результатам, особенно в области расширения внешней торговли и обеспечения экономического развития участников.

С учетом сказанного, ни одна страна мира, в том числе и Иран, не может пренебрегать развитием регионализма. Сопротивление этим тенденциям и выбор изоляционистской позиции в регионе не смогут защитить страну от отрицательных последствий такого выбора, но точно лишат ее возможности воспользоваться выгодами. При этом нужно иметь в виду географическое положение Ирана в качестве звена, соединяющего Персидский залив и Каспийское море, которое играет огромную роль в процессе установления баланса сил между мировыми державами.

Геополитическое, геостратегическое и геоэкономическое положение относится к значимым величинам, которые имеют большое влияние на внешнюю политику и на международные связи Ирана. Это положение превратило Иран в важнейшего регионального игрока и в международную силу. Иными словами, место Ирана в силу его геополитического положения является своего рода геостратегическим ориентиром не только для региона, но и для всего мира, поэтому Иран не может оказаться на периферии ни в международной, ни в региональной системе.

Персидский залив и Центральная Азия играют важную геополитическую и геостратегическую роль во всей будущей мировой системе как важные источники энергоносителей. Отсюда всякий вопрос, связанный с безопасностью в этих двух регионах, будет привлекать самое пристальное внимание влиятельных мировых и региональных игроков, в связи с чем намечается новая геополитическая перспектива в определении понятия «Хартленд» применительно к этим двум регионам [186: 14–16].

Выдающаяся геополитическая позиция Ирана в качестве центрального звена мировых энергоносителей (с учетом расположения страны между Каспийским морем и Персидским заливом, а также того, что Иран связывает 15 стран с полумиллиардным населением) обязывает Тегеран формулировать свои внешнеполитические цели с учетом необходимости формирования определенной согласованности на региональном и международном уровне. Геополитические реалии Ирана таковы, что его национальная безопасность зависит от пяти звеньев. Эти геополитические звенья являются системами, зависящими от региона, который включает в себя Персидский залив (государства-участники Совета сотрудничества стран

Персидского залива), Средний Восток, Кавказ и Закавказье (Азербайджан, Грузия и Армения), Россию, Центральную Азию и Индийский субконтинент (Афганистан, Пакистан и собственно Индия).

Вышеупомянутые регионы, несмотря на многочисленные разногласия между ними, по степени напряженности и нестабильности являются похожими. Это означает, что вокруг Ирана расположены многочисленные очаги кризисов. К проблемным областям в окружающих Иран странах относятся кризисы, связанные с отсутствием общественной активности, легитимности и преемственности власти, с неравным распределением властных полномочий, отсталостью, миграцией, проблемами потребления, распространением и хранением наркотических веществ. Всё это происходит на фоне проблем, связанных с гонкой вооружений, терроризмом, экстремизмом, при наличии богатых запасов нефти и газа, в состоянии этнических и групповых конфликтов, при авторитарных и недемократических режимах, вмешательстве великих держав и политической и экономической зависимости от Запада.

Несмотря на вышеперечисленные проблемы, Иран, желая стать мощной и влиятельной региональной державой, должен использовать возможности, открытые культурной, исторической, расовой, языковой и религиозной общностью. Иран в каждой из упомянутых геополитических областей имеет особые интересы и одновременно сталкивается в них с особенными угрозами. Помимо прочего, в этих областях между политическими игроками существуют многочисленные разногласия, которые ставят народы и страны перед проблемами, связанными с отсутствием безопасности и чувством беспокойства за свою безопасность.

Следовательно, внешняя политика Ирана должна быть направлена на усиление интеграции и снижение дезинтеграции. Стратегия обеспечения всеобщей безопасности требует пути единства и сплоченности всех географических региональных единиц. Исходя из сказанного, Иран должен сосредоточить внимание как на исламской, так и на иранской цивилизационных зонах, используя при этом все свои возможности. Ибо иранская цивилизационная область не является ни чисто иранской, ни чисто исламской, но обе они имеют корни вокруг Ирана, что создает дополнительные возможности для усиления позиции Ирана в Центрально-Азиатском регионе (и не только в нем). Чтобы превратиться в регионального гегемона, Иран должен уделять равное внимание исламской и иранской цивилизационным зонам, должен координировать свою политику с учетом экономической, культурной и социальной составляющих, а также с учетом безопасности всего региона.

Этот подход, который учтен при составлении Документа о двадцатилетней перспективе развития Ирана, создал почву для формирования национальной стратегии в региональном масштабе. На основе этого подхода Иран должен в течение двадцати будущих лет превратиться в развитую страну-лидера с ведущим местом в экономике, науке и технике, должен стать вдохновителем исламского мира, который обладает созидающим влиянием на международные отношения.

В этом плане Центральная Азия является важнейшим среди окружающих Исламскую Республику Иран регионов – в силу давних исторических и культурных связей с Ираном. В своих отношениях со странами региона Иран опирается на историческую общность, на опыт совместной жизни со времен Ахеменидов до периода правления Сефевидов и Каджаров в XIX веке. Важную объединяющую роль играет ислам как общая вера, большое значение имеет также общность персидского языка для Ирана, Таджикистана и значительной части Узбекистана и Афганистана, а равно наличие таких городов, как Бухара, Балх, Марв (Мары), Хива и Хорезм в качестве колыбелей иранской цивилизации.

Важно подчеркнуть, что геополитическое положение Ирана в регионе несравнимо с другими странами региона. Иран превратился в связующее звено между двумя крупнейшими источниками энергоносителей в Персидском заливе и Каспийском море. Джеффри

Кэмп, один из высокопоставленных американских наблюдателей в области геополитики, назвал регионы Персидского залива и Каспийского моря главными мировыми поставщиками энергоносителей в XXI веке и на этой основе сформулировал ряд положений будущей энергетической стратегии. По его наблюдениям, 70 % разведанных мировых запасов нефти и 40 % газа находятся именно в этих регионах [94: 30]. И здесь опять чрезвычайно важным является географическое расположение Ирана: кроме него ни одна страна региона не имеет выхода к свободным водам. Казахстан, будучи крупнейшей по территории страной региона, ограничен сушей; Узбекистан для доступа к морям должен миновать территорию, как минимум, двух стран [70: 7].

Центрально-Азиатский регион имеет превосходный потенциал для развития регионального сотрудничества. Регион богат природными ископаемыми, квалифицированной рабочей силой и ненасыщенными рынками. Региональная коммерческая интеграция возможна путем разделения труда, привлечением иностранных инвестиций и концентрацией производства в каждой стране той продукции, которую можно полностью продавать в регионе. Опыт таких стран, как Китай, Ирландия и Южная Корея, достигших экономического процветания за последние 20–30 лет, показывает, что они в значительной степени сосредоточились на развитии как региональной, так и международной торговли. Следовательно, если страны Центральной Азии желают достичь экономического процветания, они необходимым образом должны развивать региональное торговое сотрудничество и интеграцию [225a: 1]. В этом плане Иран может стать самым надежным партнером для стран региона.

Республики Центральной Азии, после краткого периода начала 90-х годов прошлого века, когда они обеспечивали свое экономическое развитие, а также безопасность и политическую стабильность преимущественно путем сотрудничества с великими державами вне региона, в середине нового десятилетия поняли важность регионального сотрудничества и создания необходимых региональных институтов. Соответствующие изменения во внешней политике России (начиная с 1994 года), большее внимание с ее стороны по отношению к Востоку (и в первую очередь к странам постсоветской Центральной Азии) стали важным стимулом для развития сотрудничества в данном регионе. Активно развивались Содружество независимых государств (СНГ), Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация договора коллективной безопасности и Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) [227: 77].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.